

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 21—22.
НОЯБРЬ
1911 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VI.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: СПб. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библи. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Большаевская О. А. „Запѣлъ“. Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Кондурюшкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Нуринъ А. И. „Слонъ“. Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все изданіе разошлось).

Норроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Джэкъ. „Букъ“. Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.* *Допущено* въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахова-Мировичъ В. Г. „Золотой дѣмъ“. Сборникъ разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Манаскина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесению въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Манаскина Н. И. „На Рождество“. Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и *признана заслуживающей вниманія* при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манаскина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Полсанговъ В. П. „Воронъ.—Индійцы“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1911 годъ.

Ноябрь № 21—22.

ЖУРНАЛЪ ТРОПИНКА.

У-1782

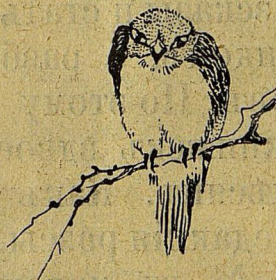
Отъ редакціи.

Наши читатели часто жалуются намъ, что мы печатаемъ рассказы и статьи, даже не очень длинныя, не цѣликомъ, а разбиваемъ ихъ на нѣсколько номеровъ. По этому мы рѣшили увеличить размѣръ книжекъ вдвое, выпуская ихъ одинъ разъ въ мѣсяць. Какъ образецъ будущихъ книжекъ, редакція разсылаетъ подписчикамъ за ноябрь № въ новомъ видѣ.

Содержаніе.

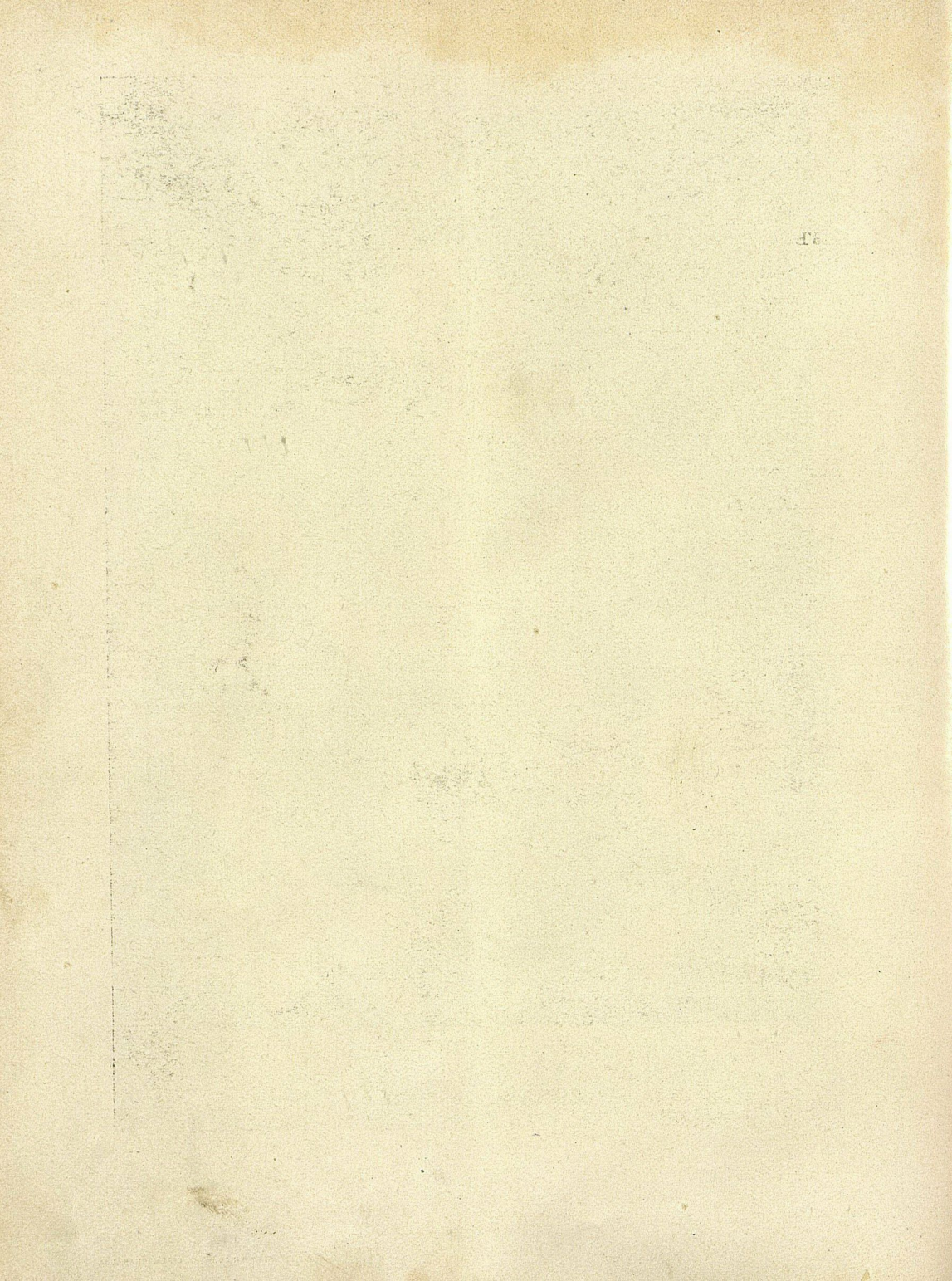
1. Ломоносовъ—(портретъ).
2. Бѣглець—стихотвореніе *О. Бѣляевской.*
3. Ломоносовъ—*П. Мамаева.*
4. Цербетская принцесса (повѣсть изъ юности Екатерины II)—*Н. Манасеиной.*
5. Игра въ прятки—стихотвореніе *А. Насимовича.*
6. Какъ зимуютъ звѣри—*Е. Львова.*
7. Африканскія и азіатскія народныя сказанія.
8. Памяти редактора журнала „Веходы,“ Эдуарда Станиславовича Монвижъ-Монтвида—*А. Алтаева.*
9. Вѣсти отовеюду

10. Рисунокъ съ буквами.
11. Ребусъ № 9.
12. Загадки.

ЛОМОНОСОВЪ

Бѣглець.

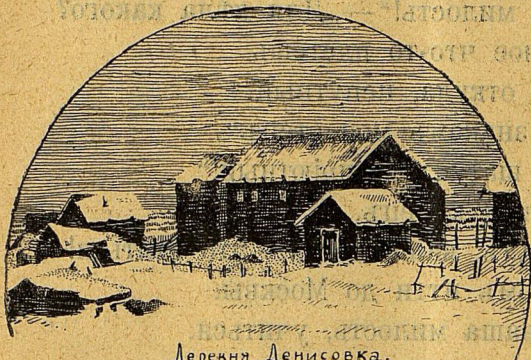
Въ нагольномъ тулупѣ, избиты лаптишки...
Изъ дома родного тайкомъ онъ сбѣжалъ.
Въ платочкѣ завернуты бережно книжки.
Онъ къ рыбнымъ обозамъ дорогой присталъ.
Обозный приказчикъ замѣтилъ чужого.
„Эй, что за парнишка? Куда ты идешь?“
„Въ Москву, ваша милость!“ — „Для дѣла какого?
Учиться? Нескладное что-то плетешь.
Да ты не сбѣжалъ ли откуда, непутный?“
„Денисовскій я. Вамъ знакомъ мой отецъ“.
„Ври больше, бродяга, шатунъ безпріютный!“
И юношу гонить суровый купецъ.
„Сбѣжать-то сбѣжалъ, ваша честь, — что таиться!
Дозвольте съ обозомъ итти до Москвы.
Въ столицу иду, ваша милость, учиться.
Въ пути услужу, коль дозволите вы.
Денисовскій я, Ломоносовъ, Мишутка.
Изволили рыбу у насъ покупать.“
„Василья я знаю лѣтъ двадцать — не шутка!
Да какъ же ты смѣлъ отъ отца убѣжать?“
Стемнѣло межъ тѣмъ. Добрались до ночлега.
Не гнать же парнишку! Сажаютъ за столъ.
На утро по насту морознаго снѣга
Михайла, какъ свой, съ мужиками пошелъ.
Дней тридцать тащился обозъ нагруженный.
За возомъ Михайла проворно шагаль,
И вотъ, рано утромъ, въ дали озаренной
Крестами соборными Кремль засіялъ.

О. Бѣляевская.

Ломоносовъ.

ДОЛГАЯ суровая зима на крайнемъ сѣверѣ, наконецъ, кончилась. Ледъ на Сѣверной Двинѣ прошелъ, и рыбаки стали собираться на промыселъ.

Закопошилось и население небольшой деревеньки на одномъ изъ острововъ

Деревня Денисовка.

Двины, недалеко отъ того мѣста, гдѣ впадаетъ она въ Бѣлое море. Принялись рыбаки «Денисовки» или «Болота», какъ попросту называлась деревенька, готовить лодки и сѣти. Однимъ изъ первыхъ въ этомъ году, а было это 220 лѣтъ тому

назадъ, выѣхалъ на промыселъ самый богатый рыбакъ Василий Дорофѣевичъ Ломоносовъ.

Чуть что не вся деревня высыпала на берегъ, чтобы проводить его. Всѣмъ хотѣлось посмотреть на его «Чайку», первое въ этихъ мѣстахъ большое судно, построенное и оснащенное по иноземному образцу.

— Славное судно!—хвалили провожавшіе «Чайку» и рассказывали другъ другу, что теперь Василий собирается кромѣ рыбнаго промысла заняться еще и перевозкой людей и товаровъ изъ Архангельска по всему побережью.

— Что-жь, ему теперь всюду дорога.—раздавалось въ толпѣ.—На его „Чайкѣ“ иди, куда хочешь. Въ Ледовитый

Океанъ на ней итти можно. Что и говорить, удачливъ Василій Дорофѣевичъ.

Но „удачливому“ никто не завидоваль. Всѣ любили Василю Дорофѣевича. Быль онъ къ сиротамъ милостивъ, съ людьми обходителенъ. И для Божьей церкви старался. Недавно пожертвоваль на церковь участокъ земли. Стоила земля не мало, цѣлыхъ десять рублей. По тогдашнимъ временамъ деньги большія.

— Помогай ему Богъ! Хорошій онъ человекъ, — говорили односельчане про Василю Дорофѣевича.

— Да никакъ сегодня и Миша съ отцомъ собрался? — сказала одна изъ женщинъ, стоявшихъ на берегу.

— Миша съ отцомъ ѣдетъ! Василій сына съ собой везетъ, — разнеслось въ толпѣ.

Всѣ съ любопытствомъ стали смотрѣть на суетившагося на палубѣ красиваго рослаго десятилѣтняго мальчика.

Миша первый разъ ѣхаль съ отцомъ и очень гордился этимъ. Онъ шель въ самое Ледовитое море. Никто изъ его сверстниковъ дальше Бѣлаго моря не бываль. Миша зналь, что всѣ на него смотрять, что товарищи ему завидуютъ, и старался держаться, какъ взрослый. Лицо у него горѣло отъ волненія, большіе глаза блестяли. Съ серьезнымъ и дѣловымъ видомъ онъ помогаль отцу натягивать парусъ.

— Славный парнишка у Василю, — говорили между собой рыбаки. — Добрый помощникъ изъ него выйдетъ.

Жена Василю Дорофѣевича стояла здѣсь же въ толпѣ съ маленькой дочкой на рукахъ. Проводить мужа она вышла. Была она Мишѣ не родной матерью. Родная мать его умерла, и отецъ женился во второй разъ. Мачиха не любила пасынка. Услыхала она, какъ его хвалять, и сейчасъ же ей захотѣлось,

какъ всегда, сказать про него что-нибудь дурное. Она вмѣшалась въ разговоръ:

— Ну, большого толку отъ мальчишки нечего ждать. Лѣнтяй и ротозѣй онъ такой, какихъ мало.

И принялась рассказывать, какъ послала она за чѣмъ-то Мишу во дворъ и дождаться его назадъ не могла. Вышла, чтобы покричать его, а онъ на крыльцѣ стоитъ, голову закинулъ,—звѣзды считаетъ.

— Опомнися, когда я его за волосы схватила, а зачѣмъ послали—такъ и запамятовалъ. Да что и говорить, несносный мальчишка! Безъ тумака часу прожить съ нимъ нельзя. Руки, учивши его, устали.

Замолчала мачиха только потому, что ее никто не слушалъ. Какъ разъ въ эту минуту „Чайка“ отдѣлилась отъ берега.

Точно огромное бѣлое крыло поднимался къ небу ея парусъ, и на его бѣлизнѣ рѣзко выступала маленькая Мишина фигура въ армякѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ. Мальчикъ снялъ шапку и махалъ ею, прощаясь съ оставшимися на берегу. Вѣтеръ трепалъ его курчавые волосы, румянилъ и безъ того румяныя щеки. Миша былъ счастливъ, какъ давно не бывалъ. Приглядѣвшееся ему „Болото“ съ его кочками, мхами, кривыми, похожими на хворостинки, березками, съ чахламъ ивнякамъ и со злой мачихой уходило все дальше и дальше. Жалко ему было только сестренку. Ее онъ любилъ и часто нянчилъ. Этой сестренкѣ Миша еще разъ махнулъ шапкой, а потомъ надѣлъ ее на голову и совсѣмъ отвернулся отъ Болота. Принялся разглядывать старинныя церкви города Холмогоръ, мимо котораго шла „Чайка“. Вотъ село Вавчуга. Старое село. На немъ корабельная верфь.

— Сюда самъ царь Петръ не разъ заѣзжалъ,—говорить

Мишѣ отецъ. Онъ править парусомъ и тоже, какъ и сынъ, глядитъ въ сторону Вавчуги.

— Царь Петръ? Здѣсь бываль? Когда? Зачѣмъ?

Мачиха далеко. Миша можетъ разспрашивать сколько угодно. Отецъ рассказываетъ. Василій Дорофѣевичъ человекъ

Василій Ломоносовъ съ сыномъ.

бывалый, много перевидалъ на своемъ вѣку. Хорошо Мишѣ съ нимъ безъ мачихи. И работой его отецъ доволенъ.

Миша совсѣмъ не такой лѣнтяй, какъ его выставляетъ всегда мачиха. Онъ отъ природы ловкій и сильный. А эти поѣздки въ море еще больше закаляютъ его тѣло и душу. Въ борьбѣ съ непогодой крѣпнетъ его воля, и готовится онъ къ тяжелой борьбѣ съ жизнью.

Когда ихъ застигла буря въ Бѣломъ морѣ, онъ больше

работника отцу помогать. А когда все стихло, задумался и вдруг спрашиваетъ:

— А откуда это бури, тятя, берутся?

Отъ вѣтра, — отвѣчаетъ отецъ.

— А вѣтеръ откуда?

Но ужъ этого отецъ и самъ не знаетъ. Человѣкъ онъ неученый, неграмотный. Рыбачить это ему не мѣшаетъ.

Хочется Василию Дорофѣевичу, чтобы и изъ сына его вышелъ добрый рыбакъ. Смущаетъ его, что Миша задумывается о такихъ вещахъ, которыя къ рыбачеству касательства не имѣютъ. Жалобы женины на Мишу вспомнилъ Василій Дорофѣевичъ и рѣшилъ воспользоваться временемъ, поучить сына уму разуму, тихо, безъ колотушекъ, объяснить ему, что рабочій человѣкъ долженъ думать о дѣлѣ, а раздумывать надъ тѣмъ „что, какъ и почему“ могутъ только ученые люди. Тѣ пускай себѣ и книжки читаютъ..

— И мнѣ хочется книжки читать, хочется грамотѣ учиться, — робко сказалъ Миша.

Но тутъ ужъ отецъ разсердился.

— Развѣ ты поповскій или дворянскій сынъ, чтобы книжки читать? — прикрикнулъ онъ на Мишу. — Попу нужна грамота, чтобы духовныя книжки читать, дворянину, чтобы на царскую службу итти, а рыбаку и грамота, и книжки совсѣмъ ни къ чему. На пустяки и времени терять нечего.

Примолкъ Миша. А ночью, когда „Чайка“ подошла на ночевку къ берегу, и уставшій отецъ крѣпко заснулъ, накрывшись тулупомъ, мальчикъ вытащилъ изъ потайного мѣста подъ лавкой запрятанный туда листикъ изъ какой-то книжки и старался припомнить буквы, которымъ его учила покойная мать. Она была дочерью дьякона и знала грамотѣ. Сѣверной

ночью весной свѣтло, какъ днемъ. Читать было можно, но Миша забылъ буквы. Старался вспомнить и не могъ.

Вспомнилъ только, какъ мать обнимала его за шею, когда они вдвоемъ усаживались за столъ передъ раскрытой книгой. И голосъ ея тихій, какъ и въ то время, точно возлѣ него раздавался. А словъ онъ разобрать не могъ. Забылъ все Миша, чему его мать учила.

Тихо плескалась вода за бортомъ лодки.

Миша сидѣлъ на кормѣ, смотрѣлъ въ свѣтлую, похожую на сумерки весеннюю ночь, и по лицу его катились слезы.

„Матери нѣтъ, буквы забылъ“...

Ночь у Ледовитаго океана весной коротка. Едва началась, какъ уже кончается. Заря вечерняя тамъ съ утренней не расстаются. Восточная сторона неба посвѣтлѣла, зарозовѣла и стала на Мишиныхъ глазахъ разгораться, точно на пожарѣ.

Мальчикъ уже не плакалъ.

Въ первый разъ въ жизни видѣлъ онъ восходъ солнца на морѣ. Это было такъ ново, такъ интересно, такъ поразительно красиво, что тоску его, какъ рукой сняло.

„А откуда это солнце выходитъ? Неужто же изъ воды, изъ самаго моря? И куда оно на ночь прячется? И почему лѣтомъ день такой длинный?“

Но отецъ крѣпко храпѣлъ на кормѣ. Спросить его было нельзя, да если бы Миша и спросилъ, тотъ ему навѣрное ничего бы не отвѣтилъ, потому что самъ не зналъ.

„Упрошу отца, чтобы отдалъ меня въ ученье“, рѣшилъ Миша. „Попробую его уговорить, пока мы на „Чайкѣ“; ходимъ. Безъ махи онъ добрѣе. Можетъ, и согласится“.

Но сразу упросить отца Мишѣ не удалось. Очень ужъ боялся Василий Дорофѣевичъ, что ученье испортитъ его сына для настоящаго дѣла.

До двѣнадцати лѣтъ оставался Миша неграмотнымъ. Только, когда отецъ наконецъ увѣрился, что сынъ привыкъ къ дѣлу, позволилъ онъ ему зимой учиться у деревенскаго дьячка.

Память у мальчика оказалась прекрасная, способности были большія, прилежанія столько, что съ книгой онъ не разставался. Мачиха по прежнему нападала на пасынка, но онъ старался, какъ можно меньше, попадаться ей на глаза. Забьется куда-нибудь и учится. Часто, несмотря на стужу, гдѣ-нибудь во дворѣ пристраивался. Скоро Миша съ азбукой и складами покончилъ и до книгъ добрался. Сталъ часословъ, псалтирь читать и читалъ такъ хорошо, выразительно, такимъ пріятнымъ голосомъ, что его заставили читать въ церкви. Тутъ у Миши, кромѣ неладовъ съ мачихой, явились новыя непріятности. Товарищи ему стали завидовать и нерѣдко отъ досады и зависти даже его покалачивали.

Но съ Михайлой справиться было трудно. Силы у него было много, и товарищамъ онъ не поддавался. Отобьется и уйдетъ куда-нибудь съ книжкой, а за книжкой забудетъ и мачиху, и всѣхъ обидчиковъ. Особенно нравились ему „Житія Святыхъ“. Ихъ онъ читалъ безъ конца и очень любилъ рассказывать старымъ людямъ о томъ, что прочелъ.

Василій Дорофѣевичъ успокоился. Грамота ничему не вредила. Какъ только открывалось судоходство, сынъ его по прежнему ѣхалъ съ нимъ на промыселъ и охотно ѣхалъ. Михайло любилъ и природу, и новыя мѣста, и новыхъ людей.

Былъ онъ въ Соловецкомъ монастырѣ, не разъ выѣзжалъ въ Ледовитый океанъ. Сѣверное сіяніе видѣлъ. А сколько рассказовъ переслушалъ. Въ ту пору на всемъ сѣверѣ особенно много говорили про царя Петра.

Онъ узналъ, что царь пріѣзжалъ въ Архангельскъ, чтобы

посмотрѣть на Бѣлое море и океанъ, ему рассказывали, какъ Петръ жилъ въ этомъ городѣ: по буднямъ работалъ надъ постройкой корабля, а по воскресеньямъ читалъ въ церкви псалтирь и пѣлъ на клиросѣ вмѣстѣ съ пѣвчими.

Разказы про необыкновеннаго царя ему больше всѣхъ другихъ нравились. И двѣ книжки, изданныя по приказу этого царя, сдѣлались самыми любимыми книжками Михайлы. Это были: грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго. Онъ всю жизнь называлъ ихъ „вратами своей учености“. Онѣ случайно попали къ одному изъ сосѣдей, и Михайло ходилъ самъ не свой, пока ихъ себѣ не выпросилъ. Это были первыя не духовныя книги, которыя онъ увидалъ. Ни псалтирь, ни часословъ, ни Житія Святыхъ до науки его не довели. „Можетъ быть, эти доведутъ“, думалось ему.

А ужъ и трудныя это были книги!

Грамматика была написана смѣсю русскаго языка съ церковно-славянскимъ.

„Вѣдасте абовѣмъ которыистесея грецкой мобъ латинской грамматики худозству учили, что она есть ку понятію якъ языка чистоти, такъ и правою, а сочинною, ведлугъ властности діалектовъ и мовеня, и писанія и пысмъ выразумѣнія...“

Вотъ какъ была написана книга.

Въ первую минуту у Михайлы даже духъ перехватило. Ему показалось, что этой науки ему ни зачто не одолѣть, но кончилось тѣмъ, что онъ и грамматику и ариѳметику, которая была ничуть не легче, не только одолѣлъ, но вытвердилъ наизусть, и даже онѣ ему принесли пользу. Противъ правилъ тогдашняго правописанія онъ съ той поры больше никакихъ ошибокъ не дѣлалъ.

„Граматику, ариѳметику вызубрилъ, а до настоящей науки такъ и не дошелъ“.

Эта мысль мучила Ломоносова. Всѣхъ, кого только можно было, спрашивалъ онъ, гдѣ и у кого можно такъ научиться, чтобы ужъ все знать по настоящему. Часто говорилъ онъ объ этомъ съ дьячкомъ.

— Трудное твое дѣло, — сочувствовалъ его горю дьячекъ. — Книжки ты здѣсь всѣ перечиталъ, да и есть ли даже и въ Москвѣ другія — не знаю. Пожалуй, что по-русски такихъ книжекъ и совсѣмъ нѣтъ. А вотъ бы тебѣ, Михайло, латыни научиться. Латынь ужъ тебя навѣрняка до науки доведетъ. Всѣ ученые люди знаютъ по-латыни.

Этого было довольно, чтобы Михайло весь встрепенулся.

— Латынь, такъ латынь. А только, гдѣ же этой латыни то учать?

— Въ Москвѣ.

Съ отцомъ о Москвѣ Михайло заговорить не рѣшался. Въ эту пору ему уже было 17 лѣтъ. Отецъ поговаривалъ о томъ, что пора его женить. Ужъ какъ тутъ объ ученѣѣ, да еще въ Москвѣ говорить. А Михайлъ остаться въ Денисовкѣ все равно, что совсѣмъ не жить.

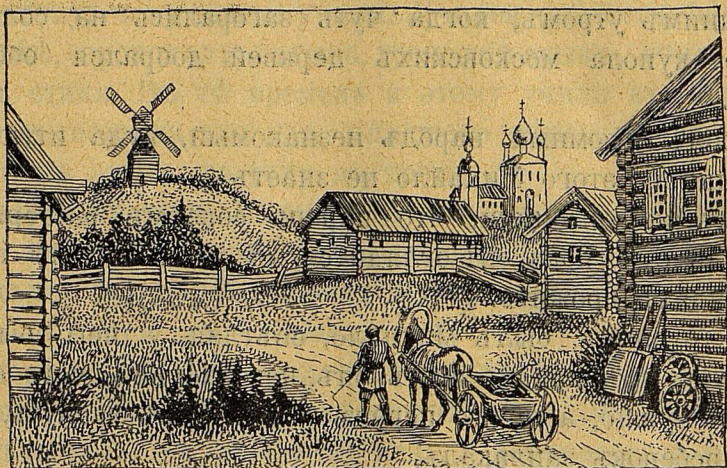
И вотъ разъ зимнимъ утромъ проснулись родители и не нашли сына.

Убѣжалъ Михайло.

Дьячекъ помогъ ему, далъ три рубля денегъ и полукафтанье. Съ вечера Михайло лишнюю рубаху подѣлъ ту, что уже была на немъ, поддѣлъ, завязалъ въ платокъ свою грамматику и ариметику, сунулъ за пазуху кусокъ хлѣба и, выждавъ, когда всѣ заснули, крадучись, вышелъ изъ избы и бѣгомъ пустился изъ деревни. Утромъ еще изъ Денисовки въ Москву ушелъ обозъ съ мерзлой рыбой. Такъ Михайло побѣжалъ его догонять.

Сто верстъ отмахалъ онъ по петербургскому тракту, до

Антоніева монастыря добрался, промерзъ, изголодался, а обоза не догналъ. Пришлось ему въ монастырѣ остаться. Здѣсь его кормили, а онъ въ церкви псалтирь читалъ. Такъ и прожилъ, пока не услышалъ, что новый обозъ съ рыбой мимо монастыря въ Москву прошелъ.

Мѣсто въ Денисовкѣ, гдѣ стоялъ домъ Ломоносовыхъ.

Этотъ обозъ ужъ догнать было совсѣмъ просто. Труднѣе было уговорить рыбниковъ дозволить Михайлѣ къ нимъ пристать. Испугались они новаго человѣка. Боялись, не воръ ли какой. Михайло имъ узелокъ развязалъ, двѣ книжки свои показалъ. Повѣрили тогда ему, что не воръ, а только никакъ не могли понять, зачѣмъ это парень изъ родительскаго дома бѣжалъ. Въ родительскій домъ отъ ученья бѣжать—это еще бываетъ, а такъ, чтобы наоборотъ—про это они и не слыхивали. И какое ученье этому верзилѣ понадобилось? Грамотѣ учень, говорить красно. Рѣшили, что парень чудаковатъ, но занятый и безобидный. Пускай ужъ идетъ себѣ за обозомъ.

А Михайлѣ только этого и нужно было. Одному такой

долгий путь черезъ лѣса, гдѣ рыскають голодные звѣри, ни за что не пройти.

Рыбники оказались добрыми людьми. Замѣтили, что у Михайлы ни харчей, ни на харчи нѣтъ. Всю дорогу его кормили.

Раннимъ утромъ, когда чуть загорались на солнышкѣ золотые купола московскихъ церквей, добрался обозъ до Москвы.

Городъ огромный, народъ незнакомый, куда итти и къ кому—ничего этого Михайло не знаетъ.

Замѣтили рыбники, что парень совсѣмъ растерялся и позволили ему, пока онъ оглядится, съ ними вмѣстѣ въ рыбныхъ рядахъ прожить.

Не трусливъ былъ Михайло, свѣтлая у него была голова, душа крѣпкая, и зналъ онъ, чего хотѣлъ, чего ему добиваться нужно, а ночью передъ тѣмъ, какъ заснуть, точно малый ребенокъ заплакалъ.

Куда ему дальше толкнуться, онъ совсѣмъ не понималъ.

— Господи, помоги мнѣ! Помоги!

Такъ и заснулъ въ слезахъ.

А на утро къ рыбникамъ, подъ Сухареву башню, гдѣ они стояли, пришелъ случайно землякъ Михайлы изъ Денисовки. Онъ давно изъ деревни уѣхалъ. Дворецкимъ въ одномъ богатомъ домѣ служилъ. Разказали ему про чудаковатаго парня, узналъ онъ, что они земляки съ нимъ, и захотѣлось дворецкому Михайлѣ помочь. Повелъ онъ парня къ одному знакомому монаху въ Заиконоспасскій монастырь, а при монастырѣ какъ разъ была школа, гдѣ обучали наукамъ и латыни дѣтей дворянъ и духовенства. Монахъ пристроилъ Михайлу въ школу. Только для этого Ломоносову пришлось назваться сыномъ дьячка. Иначе его бы не приняли.

Такъ какъ Михайло не зналъ латыни, то его помѣстили въ самый младшій классъ, гдѣ сидѣли маленькіе мальчики.

И смѣялись же они надъ верзилой-неучемъ! Дразнили, издѣвались. Но Ломоносовъ отъ радости, что попалъ въ школу, никакой обиды не чувствовалъ. Сидѣлъ съ малышами и учился всему, чему только учили. Учился ариѳметикѣ, учился грамматикѣ, проходилъ латынь, греческій языкъ, учился, какъ сочинять стихи. Въ тѣ времена и этому учили въ школахъ.

Черезъ полгода его изъ младшаго перевели во второй классъ и въ этомъ же году въ третій.

Учителя хвалили Ломоносова за усердіе, а малыши злились и еще больше его поддразнивали. А Ломоносовъ отъ нихъ, какъ отъ надоѣдливыхъ мухъ, отмахивался. Рѣдко, рѣдко если дастъ кому тумака.

Въ это время ему жилось такъ тяжело, что на пустыя обиды онъ и вниманія не обращалъ. Каждый ученикъ въ школѣ получалъ по алтыну въ день. У Ломоносова кромѣ этого „алтына“ или трехъ денежекъ (копеекъ) ничего не было. Одну денежку тратилъ онъ на квась, другую на хлѣбъ, а третья должна была хватать на одежду, на обувь, на бумагу и на все остальное. Надо было хорошенько пораздумать, какъ бы лучше извернуться на эти денежки. Огорчали Ломоносова и письма отъ отца. Онъ узналъ, что сынъ въ Москвѣ и со всякой оказіей письменно и на словахъ уговаривалъ его вернуться. Жаловался, что старѣетъ, что все нажитое трудомъ добро прахомъ идетъ. Старикъ молилъ единственнаго сына не покидать его одинокимъ.— „Любая изъ дочерей нашихъ богатѣевъ за тебя замужъ пойдетъ, вернись, женишься, заживешь своимъ домомъ, въ сытости, въ довольствѣ“...

А Михайло часто до сыта и чернымъ хлѣбомъ въ это время не наѣдался. Но объ этомъ онъ не тужилъ. Только

отца ему было жаль. Отца онъ сильно любилъ, но еще больше, чѣмъ отца родного, любилъ онъ науку. Онъ чувствовалъ, что безъ ученья ему не прожить и оставался въ Москвѣ.

Но и латынь, которую онъ теперь зналъ, его не успокоила. Услышалъ онъ, что въ Кіевѣ есть школа, гдѣ учатъ еще лучше, чѣмъ въ Москвѣ и гдѣ проходятъ естественныя науки, и поѣхалъ туда.

Но въ Кіевѣ не было хорошихъ учителей. Хороша тамъ была одна библіотека, и Ломоносовъ все свободное время проводилъ тамъ, занимался чтеніемъ лѣтописей и другихъ книгъ по-славянски, по-гречески и по-латыни. Меньше, чѣмъ черезъ годъ, вернулся онъ опять въ Москву въ Заиконоспасскую школу.

Въ это время написалъ онъ свои первые стихи:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетѣвши, съли,
Въ радости запыли.
Едва стали ясти,
Попали въ напасти,
Увяли ноги,
Ахъ, плачуть убоги:
Меду полизали,
А сами пропали.

Кончилъ Ломоносовъ школу и задумался, что ему дальше съ собой дѣлать. Къ наукамъ его тянуло больше прежняго, а ему предложили быть священникомъ. Стали его уговаривать, доказывали, что онъ достаточно ученъ и дальше ему учиться не для чего и негдѣ. И вдругъ, какъ разъ въ это время, изъ академіи, основанной по мысли Петра Великаго, пришло требованіе, чтобы въ гимназію при ней выслали немедленно двѣнадцать лучшихъ учениковъ.

И Ломоносовъ очутился въ Петербургѣ. Городъ ему очень понравился, но ученьемъ онъ опять остался недоволенъ.

Профессора тогда въ академіи были очень плохіе.

Къ счастью для Ломоносова, въ это время заговорили о горномъ дѣлѣ. Вспомнили, что Петръ Великій для изученія всякаго новаго дѣла посылалъ молодыхъ людей за границу, и отправили Ломоносова съ двумя его товарищами въ нѣмецкій городъ Марбургъ слушать лекціи у знаменитаго ученаго Христіана Вольфа.

Чудное время наступило для Михаила Васильевича. Наконецъ то, онъ могъ учиться всему, чему хотѣлъ и какъ хотѣлъ.

Одной физики и химіи, для которой его послали, ему было мало. Ему хотѣлось вобрать въ себя всѣ науки, всѣ знанія. Учился онъ и нѣмецкому, и французскому языку, читалъ книги на этихъ языкахъ. Книгъ было сколько угодно и какихъ книгъ! Были здѣсь и учебныя сочиненія, и романы, и повѣсти, и стихи. Михаилъ Васильевичъ восхищался красотой и плавностью чужой рѣчи. Особенно нравились ему нѣмецкіе стихи. Читая ихъ, онъ съужасомъ вспоминалъ тогдашніе русскіе:

Воспой же лира пѣсню сладку
Анну то-есть благополучну,
Къ вящему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію во вѣки тѣмъ скучну...

Такъ писалъ поэтъ Третьяковскій, и эти стихи всѣмъ очень нравились, потому что лучшихъ не было да и не могло быть. Весь тогдашній письменный русскій языкъ былъ заваленъ искаженными славянскими, польскими и латинскими словами. Онъ былъ совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ, на которомъ разговаривали обыкновенные люди. Тяжелый это былъ языкъ, а иногда его даже и понять было очень мудрено.

Ломоносовъ же задумалъ написать стихотвореніе безъ этихъ ненужныхъ словъ и написать его обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ.

Скоро къ этому и случай представился.

Какъ разъ въ это время русскіе воевали съ турками и взяли у нихъ городъ Хотинъ.

Ломоносовъ любилъ свою родину, а въ разлукѣ съ нею любовь эта заговорила въ немъ еще сильнѣе. Вѣсть о побѣдѣ привела его въ такой восторгъ, что онъ сейчасъ же написалъ „Оду на взятіе Хотина“ и отправилъ ее въ Петербургъ въ Академію.

Эта ода была первымъ настоящимъ русскимъ стихотвореніемъ. Она была поднесена царствовавшей тогда императрицѣ Аннѣ и въ спискахъ разошлась по всему Петербургу. Всѣ ее читали и восхищались небывало звучными строфами, которыми Ломоносовъ воспѣлъ русскую отвагу:

Но чтобъ орловъ сдержатъ полеть,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухія степи—равенъ путь,
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Доступятъ тамъ полки орлины.

И больше, чѣмъ за себя радовался Ломоносовъ тому, что удалось ему доказать, что русскій языкъ ничуть не хуже для стиховъ прославленнаго нѣмецкаго языка. Самъ же онъ находилъ, что русскій языкъ это наиболѣе совершенный изъ всѣхъ языковъ, такъ какъ „въ немъ соединены великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго и всѣ богатства греческаго и латинскаго языка“.

И вообще, чѣмъ больше приглядывался Ломоносовъ къ чужому краю, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ. Вспоминалась ему огромная, богатая, но темная родина. неподвижно спящимъ въ землѣ сокровищемъ представлялась она Михаилу Васильевичу. Послѣ Петра Великаго не было

рудокоповъ, чтобы извлечь богатство изъ черной земли и заставить его засверкать на солнцѣ.

Черезъ пять лѣтъ заграничнаго ученья, почувствовалъ Ломоносовъ, что дальше въ наукахъ не только можетъ итти уже самъ, но даже можетъ повести за собой своихъ соотечественниковъ.

Но для того, чтобы вернуться въ Россію, Ломоносову нужны были деньги и не только на одинъ проѣздъ. Въ это время у него были долги. Послѣ всякихъ лишеній, попавъ за границу, Ломоносовъ не выдержалъ и увлекся веселой жизнью нѣмецкихъ студентовъ. А потомъ онъ женился на бѣдной нѣмецкой дѣвушкѣ. У него родилась дочка. Жалованья не хватало на жизнь, и Ломоносовъ запутался въ долгахъ.

А на проѣздъ прислали въ обрѣзъ.

Не хотѣлось Ломоносову разставаться съ женой и ребенкомъ, но жить дольше вдали отъ родины онъ не могъ. Его такъ потянуло въ Россію, что онъ рѣшился оставить на время семью за границей. Изъ Марбурга ему пришлось скрыться тайкомъ. Долговъ платить было нечѣмъ, и онъ убѣжалъ.

Не ласково встрѣтилъ его Петербургъ.

Прежде всего его сильно огорчило извѣстіе о смерти отца. Василій Дорофѣевичъ утонулъ въ бурю. Такъ и не удалось Михаилу Васильевичу повидаться со старикомъ-отцомъ, а онъ много лѣтъ мечталъ съѣздить въ Денисовку.

И въ академію его приняли не сразу.

Въ это время на престолѣ была Анна Іоанновна и, благодаря ея главному совѣтнику, курляндцу Бирону, нѣмцы повсюду оттѣснили русскихъ. Русскому ученому и въ академію было попасть трудно.

Только когда на престолъ вступила дочь Петра Великаго

Елизавета, Ломоносова, наконецъ, назначили профессоромъ химіи.

„Академія въ развалинахъ, а внутри нѣтъ ничего“.
Вотъ какое впечатлѣніе произвела академія на Ломоносова, и другого произвести она не могла.

Профессора были плохіе. Своихъ ученыхъ у насъ еще не было, и потому въ академіи были все нѣмцы. Но хорошіе— въ Россію не ѣхали, а плохіе и въ наукахъ были не сильны, и преподавали плохо. Нѣкоторые даже не знали русскаго языка. Слушатели на ихъ лекціи не ходили, потому что ничего не понимали, но это профессоровъ не заботило. Думали они только о своей выгодѣ и о томъ, какъ бы угодить знатнымъ вельможамъ, попасть ко двору, получить какой-нибудь чинъ или награду.

А Ломоносовъ только о наукѣ и думалъ.

Сталъ онъ читать лекціи по химіи и по физикѣ, принялся устраивать лабораторію для того, чтобы дѣлать въ ней опыты. До него объ этихъ опытахъ, безъ которыхъ ни физика, ни химія существовать не могутъ, никто не думалъ.

Но добиться чего-нибудь въ академіи было очень трудно. За каждой бездѣлицей приходилось ему бѣгать по нѣскольку разъ въ канцелярію, кланяться, просить.

Онъ бѣгалъ, просилъ, кланялся и все-таки ему часто не давали самага необходимаго. Отказывали въ лишнемъ деревянномъ столѣ, въ помощникѣ, не дали электрической машины.

„Необходимой мнѣ электрической машины такъ и не получилъ“,—жаловался Ломоносовъ въ одномъ изъ своихъ прошеній.—„И по сіе время вмѣсто этой земной машины слу- жать мнѣ облака, къ которымъ я съ крыши шесть на- ставилъ“.

И денегъ на самое необходимое часто у Ломоносова не было. Не хватало на нужныя книги, на опыты, не хватало иногда на пропитаніе.

Какъ только его назначили профессоромъ, онъ сейчасъ же выписалъ къ себѣ семью. Жалованье ему выдавали очень маленькое, только потомъ прибавили, и всегда это жалованье задерживали.

Долго Ломоносовъ терпѣлъ настоящую нужду. Но на работѣ его это не отзывалось. Любовь къ наукѣ, любовь къ родинѣ, для пользы и славы которой эта наука была необходима, давала ему силы переносить всѣ лишенія, всѣ неприятности.

„Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія. Для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ. Отъ всего этого я уже отказался за тѣмъ, что не нашелъ во всемъ ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильярдупотребить на физическіе и химическіе опыты“.

Такъ писалъ самъ о себѣ Ломоносовъ.

Но успокоенія онъ не находилъ.

Особенно раздражали его въ это время профессора. Они боялись, что даровитый Ломоносовъ затмитъ ихъ и старались всячески оттѣснить его отъ всякаго дѣла, на которомъ онъ могъ бы показать себя.

Въ это время въ большой модѣ были поздравительныя и привѣтственныя стихи на разные торжественныя случаи. Ломоносовъ, конечно, лучше всѣхъ могъ бы сочинять ихъ, но ему поручали не составлять стихи, а переводить тѣ

плохіе нѣмецкіе, которые сочинялись другими профессорами.

А за границей, какъ разъ въ это же время, про Ломоносова уже писали ученые, что онъ геній и что всѣмъ профессорамъ надо брать съ него примѣръ.

По должности своей Ломоносовъ былъ профессоромъ химіи, но, какъ Петръ Великій, онъ работалъ надъ всѣмъ, въ чемъ въ это время нуждалась Россія.

Русской исторіи тогда не было,—онъ принялся писать по лѣтописямъ исторію, не было хорошаго географическаго атласа—онъ исправилъ атласъ, просматривалъ книги для напечатанія, самъ выбиралъ сочиненія для переводовъ, читалъ публичныя лекціи по географіи, химіи, физикѣ и естественнымъ наукамъ, сочинилъ трагедію для основаннаго тогда русскаго театра, работалъ надъ солянымъ дѣломъ въ Россіи, снаряжалъ экспедиціи, устраивалъ гимназію, университетъ. Первую русскую грамматику новаго, имъ же созданнаго письменнаго языка, составилъ Ломоносовъ.

Имъ же были написаны первыя сочиненія на этомъ новомъ языкѣ. До него вся русская литература состояла изъ однѣхъ одъ и рѣчей на разные торжественные случаи. Профессора только и дѣлали, что сочиняли поздравительныя и другія слова, придумывали надписи на разные памятники, медали, писали программы празднествъ, иллюминацій. Ничего больше они знать не хотѣли. А для Ломоносова всѣ ихъ занятія казались пустяками, которыми можно заниматься только между дѣломъ. Самъ онъ думалъ только о наукѣ, только о пользѣ и славѣ Россіи.

„За благополучіе отечества ни времени, ни силъ, ни здоровья не пожалѣю. Богъ совѣсти моей свидѣтель, что я самъ для себя ничего не ищу. За общую пользу, а особенно

за утверждение наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю. Объ одномъ прошу: дайте свободно возрасть насажденію Петра Великаго“.

Такъ писалъ Михаилъ Васильевичъ своему заступнику, сильному и знатному вельможѣ Ивану Ивановичу Шувалову. Императрица Елизавета назначила его начальникомъ академіи. Шуваловъ былъ человѣкъ образованный, отличилъ Ломоносова и, благодаря его заступничеству, Михаилу Васильевичу стало сразу легче и жить, и работать.

Ему прибавили жалованья, наградили большимъ чиномъ. Сама государыня пожелала его видѣть и вызвала его къ себѣ въ Царское Село, гдѣ проводила лѣто. Уѣхалъ онъ облаканный и очарованный дочерью Петра.

Послѣ этого онъ не разъ пріѣзжалъ къ ней и всегда съ какой-нибудь просьбой о чемъ-нибудь, что касалось распространения науки или устройства академіи.

До насъ дошло одно небольшое стихотвореніе про кузнечика. Ломоносовъ сочинилъ его, когда разъ ѣхалъ въ Петергофъ къ государынѣ и опять съ просьбой, которую ему пришлось повторять много разъ, прежде, чѣмъ ее исполнили.

Вотъ это стихотвореніе:

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Но въ самой истинѣ ты передъ ними царь;
Ты ангелъ во плоти, иль лучше, ты безплотенъ!
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь—все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому!

Даже въ этомъ шуточномъ стихотвореніи слышится намекъ на заботы и огорченія. А между тѣмъ написано

оно въ то время, когда Ломоносовъ былъ въ силѣ и въ славѣ.

И въ домѣ у него теперь былъ достатокъ. Жилъ онъ скромно. Роскоши ему было не нужно, но онъ имѣлъ собственный небольшой домикъ на берегу Мойки. Была у него хорошая, просторная комната для работы, широкое крыльцо, на которомъ онъ принималъ и вельможъ, и земляковъ изъ Денисовки. Приѣзжала къ нему гостить и племянница, дочь любимой сестры. Сына же ея Мишеньку Ломоносовъ совсѣмъ взялъ къ себѣ. Отдалъ его учиться въ гимназію, а сестрѣ писалъ:

„Я стараюсь объ Мишенькѣ, какъ долженъ добрый дядя и крестный отецъ“.

Но не только о своемъ племянникѣ, о всѣхъ русскихъ дѣтяхъ заботился Ломоносовъ. Онъ помнилъ свое дѣтство и все, что ему пришлось вынести, прежде чѣмъ получить возможность учиться; помнилъ, какъ долженъ былъ назваться сыномъ дьячка, чтобы попасть въ школу. И горячо хлопоталъ онъ и заботился о томъ, чтобы въ школы допускались дѣти изъ всѣхъ сословій, чтобы учениковъ цѣнили не по происхожденію и титуламъ, а по уму и дарованіямъ. Заботился онъ и о томъ, чтобы ученье въ гимназіяхъ и университетѣ было поставлено какъ можно лучше.

При домѣ Михаила Васильевича былъ садъ. Когда Ломоносовъ уставалъ отъ писанія, то выходилъ погулять и перочиннымъ ножичкомъ подчищалъ деревья, срѣзалъ сухія вѣтки, иногда даже дѣлалъ прививки, которымъ научился въ Германіи. Жена и дочь берегли его и заботились, чтобы все въ домѣ было по вкусу Михаила Васильевича.

Ломоносовъ любилъ горячія щи, и щи подавались такими, что первая ложка обжигала ротъ. Но иногда щи успѣвали

остыть, а Ломоносовъ все еще не могъ оторваться отъ своей работы. Случалось съ нимъ, что онъ по нѣскольку дней не выходилъ изъ своей рабочей комнаты и питался только кусками хлѣба съ масломъ, которые ему подавали жена или дочь.

А разъ такъ было:

Пришла обѣденная пора, и на столѣ уже задымились щи, когда Ломоносовъ вдругъ замѣтилъ громовую тучу и со всѣхъ ногъ бросился на крышу, гдѣ у него былъ прилаженъ шесть для опытовъ.

За нимъ побѣжали жена и дочь, но при первомъ же раскатѣ грома онъ испугались и убѣжали. Михаила Васильевича имъ не удалось уговорить уйти съ крыши. Нѣкоторое время онъ еще наблюдалъ грозу. Такой сильной сухой грозы онъ давно не видалъ.

Большой другъ Ломоносова, профессоръ Рихманъ, тоже дѣлавшій опыты на своей крышѣ, былъ убитъ молніей въ тотъ день.

Послѣ Рихмана осталась жена съ дѣтьми. Ломоносовъ сейчасъ же принялся хлопотать за вдову и ея сиротъ. Просилъ Шувалова о томъ, чтобы „бѣдная вдова профессора, умершаго прекрасной смертью, исполняя по своей профессіи должность, до смерти пропитаніе имѣла и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукѣ наблюдатель, какъ и его отецъ.“

Нѣсколько времени Ломоносову жилось спокойно и хорошо, но потомъ жизнь его опять перемѣнилась къ худшему. Императрица Елизавета умерла. Шуваловъ потерялъ значеніе. Враги Ломоносова этимъ воспользовались и добились того, что уже былъ подписанъ указъ объ его отставкѣ. Но, къ счастью и для Ломоносова, и для всей Россіи, на престолѣ въ это время была Екатерина. Великая государыня умѣла не только распознавать людей, но, когда это было нужно, еще и сознавалась въ

своихъ ошибкахъ и всегда старалась исправить ихъ такъ, чтобы это послужило для пользы Россіи.

Уже подписанный ею же указъ объ отставкѣ она не только взяла обратно, но еще и осыпала Ломоносова новыми милостями и не разъ приглашала его во дворецъ, чтобы поговорить съ нимъ и посовѣтоваться. Разъ какъ-то Михаилъ Васильевичъ пріѣхалъ во дворецъ какой-то не веселый, государыня и это замѣтила. На другой день послала узнать, что съ нимъ. Ей сказали, что онъ боленъ и не выходитъ изъ дому.

— Закручинился что-то нашъ Михаилъ Васильевичъ, поѣдемъ его навѣстить,—сказала она одной изъ самыхъ образованныхъ женщинъ того времени графинѣ Дашковой.

И съ нѣсколькими вельможами онъ отправились на Мойку.

Ломоносовъ сидѣлъ въ уныніи передъ своимъ огромнымъ письменнымъ столомъ. Передъ нимъ лежалъ цѣлый ворохъ исписанныхъ бумагъ, стоялъ микроскопъ. Работы было много, а работать онъ былъ не въ силахъ. Голова была тяжелая, и разведенный каминъ не согрѣвалъ его.

Гости вошли тихомолкомъ, безъ доклада.

Онъ такъ задумался, что не слышалъ ихъ.

— Здравствуйте, Михаилъ Васильевичъ!—раздалось въ дверяхъ.

Ломоносовъ вздрогнулъ, вскочилъ. Лицо у него было точно спресонокъ.

А государыня продолжала:

— Я пріѣхала навѣстить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьѣ, или лучше сказать, о вашей грусти.

Отъ волненія Ломоносовъ сразу не могъ говорить, а когда заговорилъ, то голосъ его дрожалъ:

— Нѣтъ, государыня, не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя!—воскликнулъ онъ.

— Полечите ее,—отвѣчала Екатерина.—Полечите ее живымъ перомъ вашимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что также усердствуете ко мнѣ, какъ къ дочери Петра Великаго. Неужели вы намѣрены мнѣ измѣнить?

— Измѣнить вамъ, матушка-государыня? Нѣтъ, не перо, а сердце мое писало:

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой,
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неусыпность—нашъ покой.

Ломоносовъ чуялъ, что Екатерина способна много сдѣлать „для любезнаго его сердцу отечества“, и въ голосѣ его было столько искренняго чувства, что императрица растрогалась.

— Вѣрю, вѣрю, Михайлъ Васильевичъ,—со слезами на глазахъ сказала она.—А чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, пріѣзжай ко мнѣ хлѣба соли откусать. Щи у меня будутъ такими же горячими, какими потчуетъ тебя твоя хозяйка.

Но откусать хлѣба-соли у государыни Ломоносову уже не пришлось.

Точно подпиленный дубъ, сразу рухнулъ онъ. 4-го апрѣля 1765 года на второй день Свѣтлаго праздника не стало сѣвернаго богатыря.

А въ бумагахъ, оставленныхъ на его письменномъ столѣ, нашли клочекъ со строками, послѣдними, которыя онъ написалъ передъ смертю:

„О смерти не тужу. Пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ“.

П. Мамаевъ.

Цербетская принцесса.

(Продолженіе).

КЪ племяннику государыня зашла очень ненадолго. Въ этотъ день она шла къ исповѣди и не могла быть на парадномъ обѣдѣ. Приласкавъ великаго князя и громко порадовавшись его счастливому виду, она нѣжно обняла молоденькую принцессу, поцѣловала ее въ лобъ и сказала:

— Отъ души желаю, чтобы вы, какъ можно скорѣе, привыкли къ новой обстановкѣ и къ чужой вамъ странѣ, милое дитя.

Фикке немного смутилась, но не растерялась.

— Страна, куда я милостиво вызвана волей вашего величества, не можетъ быть чужой для меня,—отвѣтила она.— Я хочу только попросить ваше величество еще объ одной милости: дозвольте мнѣ, и какъ можно скорѣй, приступить къ изученію русскаго языка.

— Съ величайшей радостью исполню вашу просьбу, милое дитя,—сказала императрица.— Съ завтрашняго же дня я вамъ дамъ наставника.

И съ этими словами, склонивъ голову съ прощальнымъ привѣтомъ, государыня вышла изъ комнаты.

— Какая вы странная! Сами напросились на уроки,—сказаль Фикке великій князь, улучивъ удобную минуту, когда всѣ бывшіе въ его комнатѣ занялись своимъ разговоромъ и перестали обращать на нихъ вниманіе.

— Я вчера еще рѣшила начать учиться, и какъ можно скорѣе,—отвѣтила Фикке.

— Думаете это весело? Я такъ радъ, что освободился,

наконецъ, и отъ моего законоучителя іеромонаха Симона Тодорскаго и отъ скучнѣйшаго преподавателя русскаго языка — Исаака Веселовскаго. Теперь у меня остался одинъ Штелинъ. Этого я еще могу переносить. Онъ меня забавляетъ. Никогда не приходитъ на урокъ съ пустыми руками. Приноситъ медали, выбитыя по его рисункамъ по случаю разныхъ торжествъ, показываетъ мнѣ проекты разныхъ иллюминацій.

— Но чему же собственно онъ долженъ васъ учить?—спросила Фикке.

— Математикѣ и географіи, ну еще и исторіи. Мы выучили съ нимъ наизусть имена всѣхъ великихъ князей и русскихъ царей до Петра. Но особенно мудрить я этому Штелину не позволяю. Если мнѣ что-нибудь не понравится, конечно: я перестаю его слушать. И вообще я ненавижу книги, глобусы, астролябіи. Вотъ старичка балетмейстера Лоде я люблю. Недавно я разучилъ цѣлый балетъ съ фрейлинами, и мы танцовали его на куртагѣ передъ императрицей. — И, наклонившись къ Фикке, онъ вдругъ почти шопотомъ и съ таинственнымъ видомъ спросилъ:

Академикъ Яковъ Штелинъ.

— Хотите я вамъ покажу свое любимое занятіе? Заинтересованная Фикке кивнула головой.

— Тогда выйдемъ въ сосѣдную комнату.

И они, незамѣтно для другихъ, проскользнули въ дверь.
— Вотъ это я люблю больше всего,—сказалъ Петръ Федоровичъ, указывая на большой и узкій деревянный столъ, занимавшій середину комнаты.

На столѣ помѣщалась сдѣланная изъ раскрашенной папки крѣпость.

— Видите, какъ здѣсь все чудесно устроено. Здѣсь и ворота, и подъемные мосты и сторожевыя башни. А вотъ и пушки на валахъ. Вотъ мои часовые. Вотъ мое войско.

Петръ Федоровичъ при этомъ указалъ на крошечныхъ двухвершковыхъ солдатиковъ, сдѣланныхъ изъ свинца и изъ жести.— Я дѣлалъ ихъ изъ воска и даже изъ хлѣба, но эти всего прочнѣе. Тѣхъ у меня какъ-то поѣли ночью крысы. Правится вамъ моя крѣпость и мое войско?

— Все это очень искусно сдѣлано, но съ самаго дѣтства я равнодушна къ игрушкамъ,—отвѣтила Фикке.— Она была удивлена, что великій князь еще играетъ въ солдатiki.

А онъ обидѣлся.

— Игрушки?—переспросилъ онъ крикливымъ раздраженнымъ голосомъ.— Мои солдаты это не игрушки, а тѣ же книги, по которымъ я учусь, чтобы современемъ быть полезнымъ моей Голштинiи и величайшему монарху въ свѣтѣ, его величеству королю Прусскому. Вы, вѣдь, знаете, что съ девяти лѣтъ я числюсь уже лейтенантомъ въ его полку?

Но Фикке этого не знала.

— О, я долженъ вамъ непременно рассказать о счастливейшемъ днѣ моей жизни!—воскликнулъ Петръ Федоровичъ. Онъ уже забылъ свое раздраженiе, глаза его радостно заблестѣли и голосъ потерялъ крикливость.

— Это былъ какъ разъ день моего рожденiя. Мнѣ исполнилось девять лѣтъ, и у насъ былъ устроенъ парад-

ный обѣдъ. Отецъ поставилъ меня, какъ унтеръ-офицера, какимъ я числился, на часы у дверей въ столовую. Я смотрѣлъ, какъ ѣли разныя вкусныя вещи. и у меня текли слюнки. Я былъ страшно голоденъ, ноги у меня дрожали отъ усталости. Послѣ жаркого я думалъ, что не выдержу—упаду. И вдругъ отецъ встаетъ и торжественно, по распоряженію короля, поздравляетъ меня лейтенантомъ. О, какая это была минута! Я былъ счастливъ, такъ счастливъ, что уже отъ счастья не могъ ничего проглотить, когда меня сію же минуту послѣ производства, уже какъ лейтенанта, посадили за парадный столъ.

— Счастливая минута, — проговорила въ недоумѣніи Фикке. — Ей было только жаль маленькаго девятилѣтняго лейтенанта, и она не понимала восхищенія Фридрихомъ. И какъ это наслѣдникъ Россіи по первому зову прусскаго короля пойдетъ въ его войска—она тоже не понимала.

— У меня еще есть театръ маріонетокъ,—разсказывалъ между тѣмъ Петръ Федоровичъ.—Есть чудесныя собаки...

— Ахъ, вотъ собакъ я очень люблю, — Фикке обрадовалась, что, наконецъ-то, у нихъ нашлись общіе вкусы. Но разговоръ на этомъ прервался. Ихъ позвали обѣдать.

VIII.

Чуть посвѣтлѣли отъ разсвѣта спущенные гроденаплевые зеленые занавѣсы и едва примѣтно стали выступать изъ темноты стулья, кресла и канале желтаго штофа, какъ Фикке уже проснулась и подняла съ подушекъ голову съ немного сѣхавшимъ на бокъ ночнымъ чепцомъ.

„Неужели уже пора?“ Ей очень не хотѣлось вставать. На широкой мягкой постели подъ балдахиномъ желтаго штофа

было такъ тепло и уютно. Наканунѣ онѣ съ матерью засидѣлись на вечернемъ собраніи или „куртагѣ“. Танцевъ по случаю великаго поста не было, но веселились очень. Былъ концертъ. Пѣли итальянскіе пѣвцы, игралъ на скрипкѣ великій князь. Довольно плохо игралъ, но все придворные восхищались его игрой. Потомъ государыня и все, кто постарше, усѣлись за ломберные столики, стали играть въ карты и шахматы, а молодежь, и съ ними Фикке и великій князь, принялись за фанты. И это было самое веселое. Разошлись до того, что, когда на одинъ изъ фантовъ выпало изобразить „ambassade turque“, фрейлины стащили въ одной изъ пріемныхъ чахлы съ мебели и сдѣлали изъ нихъ чалмы, а потомъ жгли въ каминѣ пробки и чернили брови и бороды. Государыня, а за ней и все игравшіе, заинтересованные возней, шумомъ и смѣхомъ, бросили карты и пришли посмотрѣть на молодежь. У Фикке въ ушахъ такъ и остался звонкій смѣхъ императрицы. Никогда не слыхала она такого красиваго разительнаго смѣха. А лицо! Фикке все еще не можетъ присмотрѣться къ его красотѣ. Каждый день государыня кажется ей по новому прекрасной.

А спать все-таки очень хочется. Но никакъ нельзя. Тогда урокъ русскаго языка такъ и останется неприготовленнымъ. Утромъ урокъ Закона Божьяго потомъ катанье, потомъ обѣдъ, потомъ визиты, потомъ урокъ танцевъ у балетмейстера Лоде, а потомъ у нихъ гости. Учиться положительно некогда. Фикке рѣшила, что будетъ заниматься, пока еще все спятъ. Рѣшила—и занимается. Зажгла свѣчу на ночномъ столикѣ. Вытащила изъ подъ подушки азбуку.

— Буки азъ—ба. Вѣди азъ—ва, — спотыкаясь на непривычныхъ звукахъ, шепчетъ она.—Надо еще повторить.—Она переводитъ костяную указку назадъ къ первому слогу.—Ужасно

трудно. А всетаки я выучу. Сказала, что выучусь русскому языку и выучусь. Безъ языка я какъ глухо-нѣмая.

Въ комнатѣ все свѣтлѣетъ. Въ ближней церкви ударили къ заутрени. Въ Лефортовѣ долгое время жили исключительно иноземцы и потому церковей здѣсь не такъ уже много. Но въ остальной, старой Москвѣ, ихъ столько, что комната Фикке гудитъ отъ утренняго благовѣста.

Вспомнился тихій далекій Штеттинъ. Тамъ тоже Фикке часто просыпалась подъ колокольный звонъ. Но то былъ совсѣмъ другой звонъ. Ничего похожаго на торжественное гудѣнье московскихъ церковей въ немъ не было. И все тамъ было по другому. И въ Штеттинѣ и въ Цербстѣ... Фикке дѣлается немного грустно. Ей вспомнились Бабетъ, Больгагенъ, сестрица, Фрицъ. Бабетъ она еще ни разу не написала. Пишетъ только отцу. А письмо Бабетъ только начнетъ и броситъ. Бабетъ написать очень трудно. Ей надо сказать слишкомъ много, мало не стоитъ. А съ того дня, какъ онѣ распрощались, Фикке столько перевидала, передумала и переиспытала, что съ чего и начать не знаетъ.

Благовѣстъ и мысли о домѣ разогнали послѣдній сонъ. Фикке накинула легкій бѣлый шелковый плафрокъ, нерѣшительно взглянула на туфли. По тогдашней модѣ онѣ были на очень высокихъ деревянныхъ каблукахъ и стучали. А рядомъ съ комнатою Фикке спала съ одной стороны Кайнъ, а съ другой всѣ четыре, приставленные къ принцессѣ фрейлины. Сообразивъ все это, Фикке босыми ногами подбѣжала къ окну. Быстро сунула занавѣсы въ подхваты изъ зеленого гродетюра съ серебрянымъ узорчатымъ позументомъ и долго стояла у окошка, глядя на занесенный снѣгомъ анненгофскій садъ. Великій князь рассказывалъ ей, что въ саду много фонтановъ, каскадовъ, затѣйливыхъ бесѣдокъ, что онъ весь

изрѣзанъ каналами, по которымъ весной и лѣтомъ катаются въ расписныхъ шлюпкахъ, выѣзжаютъ на рѣку Язуу. Она начиналась здѣсь же за садомъ. Изъ окна былъ видѣнъ Фикке и бывший дворецъ любимца Петра, женева Лефорта, на другомъ берегу узкой Язуы.

За дворцомъ оперный домъ, построенный Елизаветой въ годъ ея коронаціи. Дальше раскинулись недавно отстроенные особняки знати, потянувшейся вслѣдъ за царями въ Лефортовскую слободу.

Возлѣ окна стоялъ письменный столъ. Фикке подошла къ нему. Полюбовалась своей первой покупкой въ Россіи. Только вчера, по ея распоряженію, была куплена серебряная чернильница и серебряное перо. Она не успѣла еще и рассмотреть ихъ, какъ слѣдуетъ. Здѣсь же на столѣ оставалась со вчерашняго дня раскрытая тетрадь. Фикке должна была написать къ уроку русскій алфавитъ. Фикке присѣла къ столу. Рѣшила, что напишетъ сейчасъ же.

Сегодня почему-то все шло у нея быстро и удачно. Слоги она выучила, новое серебряное перо писало прекрасно.

Фикке дописала страницу и только тогда почувствовала, что у нея заглодали ноги.

Немного погрѣвшись въ постели, она стала одѣваться. Умылась, накинула пудермантель и позвонила въ серебряный колокольчикъ. Когда ей было нужно, она обыкновенно такъ вызывала приставленныхъ къ ней молоденькихъ фрейлинъ.

Сегодня, можетъ быть, потому, что она не проспала и ей удалось хорошо позаняться, ей было особенно весело. Захотѣлось пошутить, посмѣяться. Она позвонила, а сама проворно юркнула между спинкой кровати и спущенной полой штофнаго балдахина.

Четыре фрейлины, стуча высокими каблучками, влетѣли въ комнату и остановились на порогѣ, отыскивая глазами ту, которая ихъ позвонила.

Но комната казалась пустой. Фрейлины заглянули на кровать, бросились въ уборную, опять прибѣжали въ опочивальню, потрогали запертую задвижку на двери въ комнату Кайнъ.

Фикке слѣдила за ними изъ своего убѣжища и съ трудомъ удерживалась отъ смѣха.

Фрейлины метались по комнатѣ съ испуганными, растерянными лицами, заглядывали подъ канапе, подъ кресла и стулья. Одна изъ нихъ даже открыла дверцу у изразцовой печки и этого было довольно, чтобы всѣ четыре дѣвицы, присѣвъ на корточки, со страхомъ и ожиданіемъ заглянули туда.

Фикке больше не выдержала. Со смѣхомъ выскочила изъ своей засады, подхватила одну изъ растерявшихся фрейлинъ и завертѣлась съ ней по комнатѣ. Вышло это такъ увлекательно, что сейчасъ же составила и вторая пара. А потомъ онѣ кружились всѣ вмѣстѣ, взявшись за руки, и при этомъ такъ смѣялись и такъ стучали высокими каблучками, что къ нимъ прибѣжала испуганная Кайнъ и объявила, что еще немного и онѣ разбудятъ ея высочество.

Фрейлины, точно испуганныя мыши, бросились вразсыпную, Фикке же подбѣжала къ Кайнъ и крѣпко расцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Милая фрейлейнъ Кайнъ, вы явились, какъ разъ во время. Я не хочу заставлятъ ждать почтеннаго Симона Тодорскаго. А времени до урока осталось такъ мало.

— Одѣвайтесь же поскорѣй. Вы еще и не причесаны, — стараясь сохранить серьезность и строгость, ворчливо говорила Кайнъ. — Вы опять безъ чулокъ!

Фикке какъ разъ сбросила свои ночныя туфли.

— Какъ лёдь!—возмушалась Кайнъ, трогая руками застывшія ноги Фикке. — Развѣ здѣсь можно ходить чуть не босикомъ!—Кайнъ въ голову не пришло, что Фикке не только ходила, но даже долго писала совсѣмъ босая.—Здѣсь надо быть очень осторожной. Жарко натопленныя печи и огромныя щели и въ окнахъ, и въ дверяхъ. Что можетъ быть хуже,—говорила она, волнуясь и торопливо натягивая чулки Фикке.

Черезъ часъ, одѣтая и причесанная, Фикке вышла въ приѣмную. Какъ только она показалась въ дверяхъ, на встрѣчу ей съ дубоваго рѣзнаго кресла, обитаго серебрянымъ гласе, поднялась черная фигура монаха. Это былъ іеромонахъ Симонъ Тодорскій, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени.

Ему поручили наставить невѣсту великаго князя въ духѣ православной церкви.

Симонъ Тодорскій слушалъ лекціи въ заграничныхъ университетахъ и хорошо говорилъ по-нѣмецки. Фикке сразу полюбила его уроки, больше походившіе на самые увлекательные разговоры, чѣмъ на обыкновенные уроки. У нея съ дѣтства, со времени скучныхъ уроковъ пастора, пугавшаго ее страшнымъ судомъ и не признававшаго никакихъ вопросовъ, такъ и осталась не удовлетворенной потребность поговорить о многомъ, что ей было не совсѣмъ ясно. Симона Тодорскаго она могла спрашивать сколько ей было угодно. Ученица была въ восторгѣ отъ своего учителя, а учитель не могъ нахвалиться своей ученицей.

IX.

Фикке училась. Юганна-Елизавета ѣздила въ гости, принимала гостей, дружила съ Бецкимъ, съ его сестрой, женой принца Гессенъ-Гомбургскаго, дружила съ маркизомъ Шетарди,

съ Брюммеромъ, съ графомъ Лестокомъ и вообще со всѣми врагами Бестужева.

Благодаря стараніямъ этого кружка, положеніе канцлера

И. И. Бедкой. Съ гравированнаго портрета Дюпон.

сдѣлалось такимъ тяжелымъ, что онъ сказался больнымъ, чтобы не бывать при дворѣ.

Юганна-Елизавета и ея единомышленники дѣлали все возможное, чтобы онъ и не возвращался. Союзъ съ Пруссіей имъ казался уже обезпеченнымъ.

Въ субботу на второй недѣлѣ великаго поста государыня поѣхала на нѣсколько дней въ Троице-Сергіевскую лавру.

— Мы должны торопиться. Надо сдѣлать такъ, чтобы ея величество по возвращеніи немедленно удалила графа. Король Прусскій въ каждомъ письмѣ напоминаетъ о возложенномъ на меня порученіи,—постоянно повторяла Иоганна-Елизавета всѣмъ членамъ своего кружка.

Съ дочерью это время она видѣлась урывками. Ей было совсѣмъ не до нея, и она не замѣчала ни утомленнаго вида Фикке, ни того, что она сильно поблѣднѣла и похудѣла за послѣднее время.

Фикке давно перемогалась.

Училась она даже больше прежняго, но у нея вдругъ точно ослабѣла память, и, когда она писала, ей часто мѣшала ноющая боль въ боку. Временами ее познабливало, кружилась голова.

Императрица уѣхала въ субботу, а во вторникъ на слѣдующей недѣлѣ Фикке уже не могла подняться съ постели, чтобы рано утромъ выучить урокъ. Потомъ ей стало лучше. Она одѣлась. Была на урокъ у Симона Тодорскаго, но передъ обѣдомъ ей стало опять нехорошо.

— Мнѣ нездоровится. Я бы хотѣла остаться у себя въ комнатѣ,—сказала она матери.

Иоганна-Елизавета уже переодѣвалась къ обѣду, когда къ ней пришла дочь. Въ этотъ день принцессы должны были обѣдать въ покояхъ великаго князя. Иоганна-Елизавета знала, что обѣдъ готовится парадный, съ приглашенными.

„Великому князю будетъ скучно безъ Фикке, онъ надуется и испортитъ всѣмъ настроеніе“, подумала она и сказала дочери:—Видь у тебя совсѣмъ недурной, цвѣтъ лица прекрасный, глаза живые, блестящіе. Пообѣдай съ нами, а

потомъ уже, если тебѣ не будетъ лучше, ложись въ постель.

Фикке не стала возражать. Она вдругъ почувствовала страшную слабость, и ей какъ-то сразу стало все—все равно. Только бы не раздражить вспыльчивую мать, только бы добраться до своей комнаты. А тамъ пускай и Кайнъ, и фрейлины дѣлаютъ съ ней, что хотятъ.

Но въ то время, когда всѣ приглашенные уже собрались въ пріемной великаго князя и только поджидали запоздавшую Фикке, чтобы итти въ столовую, Иоганнъ-Елизаветъ дали знать, что съ дочерью ея обморокъ.

Фикке потеряла сознание. Она никого не узнавала, все окружающее сразу перестало для нея существовать.

Ей казалось, что она лежитъ въ своей прежней штеттинской комнатѣ, что кто-то страшный хватаетъ ее цѣпкими руками, сдавливаетъ ей всю грудь, впивается костлявыми пальцами въ бокъ.

— Бабетъ, Бабетъ!—раздается на всю комнату отчаянный крикъ.

Но Бабетъ не приходитъ. Страшный черный хочетъ надѣть на Фикке желѣзный корсетъ. Это такъ ужасно, что у нея не хватаетъ голоса кричать. Ей кажется, что она умираетъ. Вотъ умерла. Лежитъ въ склепѣ рядомъ съ Вилли и маленькой сестрицей. Не можетъ пошевелить ни рукой, ни ногой. Умерла!

Умерла? Но, вѣдь, это не склепъ. Это сугробъ. Огромный снѣжный сугробъ. Это она вывалилась изъ саней. Въ Россію ѣдетъ. Лошади съ санями умчались, а она въ сугробѣ. Какъ холодно! Замерзаетъ она. Гдѣ-то вдали замираетъ звонъ колокольчиковъ... Дѣлается все тише и тише. И вдругъ: бумъ! Надъ самой ея головой ударили въ большой колоколь. Въ Москвѣ она. У царевны въ Москвѣ. Но царевны нѣтъ. Фикке

ищетъ и не находитъ ее среди бѣлыхъ холодныхъ снѣговъ, пропала царевна. Позвала Фикке, а сама скрылась. Ушла дальше въ свое снѣжное царство. Но Фикке ее отыщетъ. На край свѣта за ней по снѣгамъ пойдетъ. Только холодно ей съ босыми ногами. Ноги стынуть. Башмаки отыскать надо. И вдругъ со всѣхъ сторонъ къ ней бѣгутъ какія-то чудовища, люди ли, звѣри—не разберешь. Одинъ точно волкъ, съ лицомъ Нарышкина, издали показываетъ ей башмаки. Фикке знаетъ, что ей стоитъ сказать слово, и башмаки будутъ у нея на ногахъ. Но слово она забыла. Учила и позабыла. Звѣри и дорогу къ царевнѣ знаютъ. Только спросить Фикке не можетъ. Губы застыли, не шевелятся...

Иоганна-Елизавета совсѣмъ потеряла голову. Она не сомнѣвалась, что у дочери начинается оспа, и, хотя вызванные доктора увѣряли, что никакихъ признаковъ этой ужасной болѣзни пока нѣтъ, она стояла на своемъ.

— Оспа, оспа!—въ ужасѣ повторяла она.—Дочь моя здѣсь погибнетъ, какъ погибъ мой несчастный братъ.

И она не позволяла докторамъ подойти къ постели, боялась, что они пустятъ больной кровь.

— Не позволю ее уморить, какъ уморили брата,—кричала она.

Доктора пробовали ее разубѣждать, уговаривали. Она ничего не хотѣла слушать.

Дали знать о случившемся государынѣ. Она сейчасъ же сѣла въ сани и примчалась въ Москву. Прямо съ подъѣзда, только сбросивъ на ходу заолодавшую шубу, поспѣшила она въ комнату больной. За ней вошли лейбъ-медикъ графъ Лестокъ и хирургъ португалецъ Санхець.

Уже нѣсколько дней Фикке не приходила въ себя. У нея былъ страшный жаръ. Она стонала, металась.

Государыня вглядывалась въ измѣнившееся лицо своей любимицы и едва удерживалась отъ слезъ.

— Если нѣтъ другого средства и доктора продолжають настаивать на кровопусканіи, надо его сдѣлать,—сказала она.

Юганна-Елизавета попробовала опять возражать, но ее уже не слушали.

Императрица сѣла у изголовья постели, нѣжно обняла голову больной и крѣпко прижала ее къ себѣ.

— Теперь пускайте кровь,—сказала она.

И, когда черезъ нѣсколько минутъ Фикке пришла въ себя, первое, что она увидала, было склоненное надъ ней прекрасное лицо.

— Царевна,—прошептала она и съ этими словами опять потеряла сознание.

Сейчасъ же послѣ кровопусканія государыня прислала больной чудесныя брилліантовыя серьги, но Фикке не могла на нихъ полюбоваться. Ей сдѣлалось хуже.

Доктора стали намекать на возможность плохого исхода. Юганна-Елизавета давно считала дочь погибшей и только умоляла воспользоваться первой минутой, когда она придетъ въ себя, чтобы пригласить пастора.

Но, когда Фикке очнулась и ей сказали, что придетъ пасторъ, она пожелала видѣть не его, а Симона Годорскаго.

Цѣлыхъ двадцать семь дней была она между жизнью и смертью. Два доктора, португалець Санхець и Бургавъ, дежурили у нея по очереди, смѣняя другъ друга. Шестнадцать разъ ей пускали кровь. А былъ и такой день, когда ей сразу сдѣлали четыре кровопусканія. Надежды на выздоровленіе оставалось такъ мало, что рѣшались на крайнія средства.

Юганна-Елизавета изстрадалась. Докторамъ, лечившимъ

кровопусканіями, она не довѣряла, но въ Россіи въ то время иначе почти не лечили. Спокойно подчиняться очевидной необходимости она не могла. Каждое новое кровопусканіе ее пугало, приходилось ее уговаривать, на время операціи удалять изъ комнаты и, чтобы она неожиданно не ворвалась, запирали даже дверь на задвижку.

Все это не только волновало, но и сердило Іоганну-Елизавету. Она раздражалась даже на государыню, которая всегда была на сторонѣ докторовъ, и только просила ихъ „дѣлать все возможное, чтобы спасти дражайшее дитя“.

По нѣскольکو разъ въ день заходила она къ Фикке. У дверей ее обыкновенно дожидался наслѣдникъ. Онъ былъ въ отчаяніи, и государыня лаской и уговорами старалась поддержать и сколько-нибудь утѣшить племянника.

Даже иногда ночью Елизавета вставала съ постели и шла въ комнату больной, а потомъ, вернувшись къ себѣ въ опочивальню, подолгу молилась передъ образомъ Знаменья Богородицы, тѣмъ самымъ, передъ которымъ она молилась въ ночь переворота.

Только въ воскресенье на вербной недѣлѣ случился кризисъ. Фикке сильно и мучительно закашлялась. Назрѣвшій нарывъ въ боку лопнулъ, и съ этой минуты она уже больше не теряла сознанія.

Она стала поправляться, но силы возвращались къ ней очень медленно. Когда въ вербную субботу къ ней отъ вечерни зашла государыня съ вербой, перевязанной зеленой лентой, Фикке улыбнулась серебристо-сѣрымъ пушистымъ шарикамъ и протянула къ нимъ руку, но удержать вѣтокъ не могла. Слабые исхудавшіе пальцы ее еще не слушались.

Святая пришла. За окошкомъ уже отстучала капель, съ веселымъ стекляннымъ звономъ разбились о мокрую землю

всѣ ледяныя сосульки и повсюду, журча, побѣжали ручейки.

Весна пришла, а Фикке все еще не поднималась съ постели.

Въ Свѣтло-Христово Воскресенье къ ней приходила государыня съ великимъ княземъ.

Петра Федоровича первый разъ пустили къ больной. Она показала ему такой исхудавшей и блѣдной, что онъ едва не расплакался и почти не могъ говорить, только смотрѣлъ на нее своими огромными тревожными глазами.

Государыня поспѣшила его увести.

Фикке осталась одна.

Солнце ударило въ два золоченныя яичка, оставленныя для нея на столикѣ, и два золотыхъ зайчика побѣжали по зеленымъ шелковымъ обоямъ.

Слѣдя за зайчиками, Фикке увидала въ окошко кусочекъ голубого неба.

„Весна!“ — подумала она и вся вздрогнула отъ остраго чувства радости. „Какъ долго я болѣла! Ужъ и зимы давно нѣтъ. По небу гдѣ-нибудь ходятъ пушистыя бѣлыя облачка... Жаль, что ихъ не видно съ подушекъ. Снѣгъ стаялъ. Хорошо бы взглянуть, что дѣлается въ дворцовомъ саду. Можетъ быть, и подснежники зацвѣли. Только бы не пропустить ландышей!“ И съ этой мыслью о ландышахъ Фикке заснула крѣпкимъ сномъ выздоравливающей.

Проснулась уже въ сумерки. Открыла глаза и удивилась, что проспала такъ долго. Лежала, не шевелясь. Радовалась, что къ ней возвращаются силы.

Изъ открытыхъ въ сосѣднюю комнату дверей къ ней доносился шопотъ. Невольно она прислушалась. Различила голосъ графини Румянцевой, пожилой дамы, приставленной къ

ней на время болѣзни. Графиня говорила съ кѣмъ-то незнакомымъ Фикке. Разговаривали по-французски, часто упоминали цербетскихъ принцессъ.

Въ первую минуту Фикке хотѣла подать знакъ, что не спитъ, но ей было лѣнь пошевелить губами. А потомъ она задумалась.

Точно весеннія облачка, скользили ея мысли, смѣняя другъ друга: „государыня, двоюродный братъ, женихъ... Ландыши съ бѣлыми головками...“

А шопотъ въ сосѣдней комнатѣ дѣлался яснѣе. Разговаривали уже почти громко. До постели доносились отдѣльныя слова.

— Не можетъ быть! Просто не вѣрится, — возражала кому-то графиня Румянцева.

А незнакомый голосъ увѣренно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это доказано. Какъ только потеряли надежду на ея выздоровленіе, Брюмеръ началъ переписку съ дармштадтскимъ дворомъ. Онъ писалъ, что „изъ расположенія къ герцогскому дому будетъ стоять при новомъ выборѣ за дармштадтскую принцессу“.

— Поторопился!

— Ловкій человѣкъ. Теперь, когда принцесса поправляется, онъ опять, какъ и прежде, уже разыгрываетъ преданнаго друга.

Фикке поняла, что разговоръ идетъ о ней. Поведеніе Брюмера ее не удивило. Всегда считала она его лицомъ бромъ.

А въ сосѣдней комнатѣ разговоръ продолжался:

— И у Фридриха Прусскаго оказалась уже на готовѣ невѣста. Онъ заикнулся насчетъ вюртембергской. Только государыня не захотѣла слышать о новомъ выборѣ.

— А что же Бестужевъ?

— О, тотъ откровеннѣе. Врагъ, такъ врагъ. Всѣ знаютъ что онъ ненавидитъ принцессу. Недавно еще его спросили: знаетъ ли онъ, что невѣста захворала отъ того, что до свѣту вставала учиться русекому языку, а, чтобы никому не мѣшать, ходила по комнатѣ босыми ногами? А онъ отвѣтилъ на это: Рассказывайте, что угодно, но я остаюсь при своемъ. Изъ-за плеча этой принцессы выглядываетъ льстивое лицо Фридриха Пруссаго. Я не довѣряю ничему и никому, что идетъ отъ этого лицемѣрнаго ненавистника Россіи.

Фикке вспомнилось лицо короля, какимъ она его видѣла во время проѣзда черезъ Берлинъ. Онъ хотѣлъ очаровать ее, и у него было именно „льстивое“ лицо. Бестужевъ правъ. Ей жаль, что она не можетъ ему этого сказать. Старикъ всегда смотритъ на нее такимъ острымъ недоувѣрчивымъ взглядомъ. Онъ думаетъ, что ее Фридрихъ прислалъ въ Россію. Ей хотѣлось бы ему сказать, что она пріѣхала, потому что сама захотѣла ѣхать. Государыня позвала, и она поѣхала. А Фридриха она не любитъ. Какъ и Бестужевъ,—не довѣряетъ ему. А если онъ къ тому же еще и врагъ Россіи, то Фикке можетъ быть только врагомъ врага своего второго отечества.

Наступила Ооминая недѣля. Фикке еще была въ постели, но дворцовая жизнь уже вошла въ обычную колею. Начались куртаги, концерты, балы, маскарады.

Юганна-Елизавета теперь только заходила къ дочери. Фикке поправлялась, уходъ за нею былъ прекрасный. Приставленная къ ней старая графиня Румянцева не разъ напоминала и самой Юганнѣ-Елизаветѣ, что доктора предписали полнѣйшій покой выздоравливающей принцессѣ, что въ ея комнатѣ не слѣдуетъ ни черезъ-чуръ болтать, ни очень смѣяться. Юганна-Елизавета часто уходила обиженная. У нея

было такое чувство, что у нея отнимають дочь, хотятъ отдалить Фикке отъ матери.

Она обижалась, но въ то же время ее тянуло къ людямъ и увеселеніямъ. Она соскучилась за болѣзнь дочери. Теперь цѣлыми днями она выѣзжала, принимала, посѣщала всѣ парадныя обѣды, не пропускала ни одного куртага. Ко всему этому она еще стала брать въ манежѣ уроки верховой ѣзды. Государыня прекрасно ѣздила верхомъ и не разъ говорила принцессѣ, что, какъ только просохнуть дороги, она будетъ устраивать обычныя кавалькады въ загородные дворцы.

Юганна-Елизавета не переносила мысли, что кто-то куда-то поѣдетъ, будутъ развлекаться, веселиться, смотрѣть на что-нибудь интересное и вдругъ безъ нея.

Она сейчасъ же принялась за ученье въ манежѣ. А потомъ надо было обдумать фасонъ амазонки. Юганна-Елизавета заказала себѣ цѣлыхъ три и такъ увлеклась ими, что забыла про платье для торжественнаго приѣма австрійскаго посольства. Когда же Кайнъ напомнила про платье, оказалось, что нигдѣ нѣтъ подходящей для него матеріи. Все лучшее уже разобрали, а повторенія Юганна-Елизавета не захотѣла.

Она пришла въ отчаяніе, не знала, что придумать и вдругъ вспомнила про матерію, подаренную Фикке цербстскимъ владѣтельнымъ принцемъ.

— Бѣгите скорѣй къ моей дочери, — приказала она Кайнъ, — и принесите мнѣ изъ ея сундука голубую матерію.

У Кайнъ сразу поднялись брови.

— Какую матерію, ваше высочество? — спросила она.

— Голубую съ серебромъ, — уже нетерпѣливо пояснила Юганна-Елизавета.

— Но, вѣдь, это свадебный подарокъ дяди ея высочества.

— Дѣлайте, что вамъ приказано, фрейлейнъ Кайнъ.

Статсъ-дама замолчала. Ей оставалось только повиноваться. Фикке сидѣла въ подушкахъ, и лицо у нея было очень печальное въ ту минуту, когда къ ней вошла Кайнъ.

— Здравствуйте, милая Кайнъ,—сказала она.—Вотъ, я попробовала почитать склады и, оказывается, я все позабыла.

На колѣняхъ Фикке, остро торчавшихъ подъ одѣяломъ, лежала раскрытая русская азбука.

— Не все сразу, не все сразу, моя милая, дорогая Фикке. Надо Бога благодарить, что вы выздоравливаете. А книгу я уберу. Вамъ еще рано учиться.

И Кайнъ суетилась возлѣ постели. Поправила одѣяло, подняла повыше полушки.

„Ну, точно Вилли. Похудѣла то какъ! Не руки, а палочки“.

Кайнъ съ трудомъ сдерживала волненіе, такъ ей было жаль Фикке. Страшно не хотѣлось ей говорить про матерію, но не сказать было нельзя.

И она сказала.

Въ первую минуту Фикке такъ растерялась отъ неожиданной просьбы, что сразу ничего не отвѣтила, только смотрѣла на Кайнъ встревоженными глазами. Отъ худобы щекъ они казались огромными, эти синіе глаза.

— Матерію? Голубую съ серебромъ? Ту, что подарилъ дядя? Можетъ быть, вы не поняли маму, фрейлейнъ Кайнъ?—взволнованно, прижимая къ груди руки, переспросила она.

Кайнъ только головой кивнула. Еще никогда въ жизни она не была такъ возмущена Юганной-Елизаветой.

— Это, вѣдь, память изъ Цербста. Мнѣ такъ не хочется съ ней разставаться,—нерѣшительно звучалъ слабый голосъ Фикке. Но, какъ только она это сказала, всѣ колебанія ея кончились.

— Возьмите поскорѣй эту матерію, фрейлейнъ Кайнъ, и отнесите ее мамѣ,—рѣшительно проговорила она.

Графиня Румянцева, наблюдавшая эту сцену изъ сосѣдней комнаты, пришла въ негодованіе и все рассказала государынѣ.

Императрица сейчасъ же прислала Фикке нѣсколько кусковъ шелковыхъ матерій разныхъ цвѣтовъ. Между ними была и голубая и тоже съ серебромъ. Но Фикке она понравилась всего меньше именно потому, что она напоминала ея любимую, но была вся другая. И цвѣтъ былъ не тотъ и узоръ другой.

Непріятная матерія!

Фикке казалось, что она навсегда разлюбила и голубой цвѣтъ, и серебряное шитье.

Вечерѣло, когда государыня, услышавъ, что Юганна-Елизавета уѣхала къ принцессѣ Гессенъ - Гомбургской, пришла вмѣстѣ съ великимъ княземъ навѣстить Фикке.

Никогда еще не была она такъ нѣжна, какъ въ этотъ вечеръ. Каждое ея слово, каждый взглядъ были лаской. И ласковъ и тихъ былъ золотой весенній закатъ, заглянувшій въ комнату сквозь зеленыя гроденаплевые занавѣси.

За окошкомъ мелькали садовые ученики въ сѣрыхъ кафтанахъ съ красными воротниками и отворотами. Въ саду шла весенняя работа: перекапывались клумбы, дорожки настилались цвѣтнымъ камнемъ, чинились фонтаны и каскады.

Фикке вспомнились штеттинскіе вечера. Вспомнился Больгагенъ. Онъ приходилъ въ такіе же сумерки. Приходилъ и рассказывалъ. Вѣроятно, и государынѣ припомнилось многое. Она сидѣла молча и задумчиво смотрѣла черезъ окно въ садъ, потомъ перевела глаза на Фикке, взглянула на племянника и сказала:

— Люблю, когда зацвѣтаетъ сирень. Въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ я родилась, ея много. Вотъ поправитесь, милая племянница, и мы съѣздимъ втроемъ туда. Дорожка тамъ есть, вся въ лиловой сирени. Съ сестрицей Аннушкой, твоей покойной матерью. — государыня нѣжно коснулась плеча сидѣвшаго рядомъ съ нею Петра Федоровича, — мы часто взапуски сбѣгали по ней къ рѣкѣ.

Елизавета остановилась, помолчала. То свѣтлѣло, то темнѣло ея лицо отъ проносившихся въ ея памяти воспоминаній.

— Кажется, не было весны краше той, когда батюшка изъ-заграницы вернулся, — опять начала она.

— А въ ту пору сколько было лѣтъ моей матери? — поинтересовался Петръ Федоровичъ. Онъ спросилъ по-нѣмецки, хотя разговоръ шель по-французски. Но тетка на этотъ разъ не остановила его, какъ дѣлала это обыкновенно.

— Аннушкѣ было одиннадцать, мнѣ, значитъ, — лѣтъ десять. И радовались же мы съ матушкой, встрѣчая батюшку. Насъ тогда она въ испанскія платья для встрѣчи нарядила.

Императрица Елизавета Петровна въ домашнемъ нарядѣ.

И государыня, чувствуя, что заинтересовала „своихъ дѣтей“, какъ она часто въ минуты нѣжности называла жениха и невѣсту, начала имъ рассказывать про свое дѣтство и юность.

Рассказала она, какъ отецъ ея, по возвращеніи изъ-за границы, завелъ ассамблеи, то-есть собранія, на которыя являлись не одни мужчины, какъ это было принято до тѣхъ поръ на Руси, а съ женами и дочерьми. Какъ самъ царь, чтобы подать примѣръ, выводилъ своихъ дѣвочекъ-дочерей на эти ассамблеи.

Сестеръ разодѣвали въ шитыя золотомъ и серебромъ платья, сдѣланныя по заграничнымъ фасонамъ, устраивали имъ прически изъ локоновъ и выводили къ гостямъ.

— Робу газовую съ серебряными цвѣтами батюшка на мнѣ больше всего любилъ, — рассказывала государыня. — Не разъ говорилъ: „въ этой робѣ ты, Лизанька, всего авантажнѣе.“

— А что дѣлали на этихъ ассамблеяхъ? Какъ веселились? — спросила Фикке.

— Пожилые, какъ и теперь, играли въ карты, въ шахматы, курили, закусывали, попивали вино, а тѣ, кто помоложе, танцевали. Англійскую кадрили танцевали, польскіе танцы. А только я всего больше, какъ и теперь, менуэтъ и русскую любила. И такъ я эти танцы танцевала, что батюшка не выдерживалъ, бросалъ шахматы, карты и шелъ въ танцевальную меня смотрѣть.

— Весело вамъ жилось, хорошо! — вырвалось у Фикке.

— Весело, хорошо, — подтвердила государыня. — Счастлирое это было время. Зимой мы съ батюшкой часто въ саняхъ катались. Лѣтомъ на Невѣ — въ лодкахъ. Для этихъ случаевъ у насъ даже съ Аннушкой особый нарядъ былъ. Нарядъ

домъ сардинскихъ корабельщиковъ назывался. Кофточка ка-нифасовая, юбочка красная, на головѣ небольшая круглая шапочка. Такъ это мы въ Петербургѣ катались. Вотъ и вась, милая племянница, въ золоченой галеркѣ покатаемъ. Поправляйтесь скорѣй. А ты, Петя, не подумай, что мы только веселились, — вдругъ обернулась государыня къ племяннику и, лукаво улыбаясь, пригрозила ему пальцемъ.

— Дѣдушка твой и намъ не давалъ лѣниться. Учились мы и по-нѣмецки, и по-итальянски, и по-французски. И рада я теперь, что слушалась да училась. Жалѣю, что мало еще учили. Государямъ много чего знать требуется.

И, обратясь уже къ Фикке, прибавила:

— Жду не дождусь, когда мы съ вами по-русски погово-римъ. Вдвоемъ мы и съ Петей справимся. И онъ у насъ за-говорить.

— Пробовала я на-дняхъ повторить пройденное... начала было Фикке.

— Ахъ, да развѣ возможно вамъ уже заниматься! — Го-сударыня даже руками всплеснула. — Утомлять вамъ себя нельзя. Вы только поправляйтесь, набирайтесь силъ. Весной это скоро пойдетъ. А завтра я прикажу вамъ окошко въ садъ выставить. Воздухъ душистый, теплый.

Х.

Двадцать перваго апрѣля Фикке исполнилось пятнадцать лѣтъ.

Къ этому дню она получила много поздравительныхъ писемъ. Ей написалъ отецъ, бабушка, всѣ тетки, Бабеть. Даже отъ Фрица она получила письмо съ цѣлой кучей ошибокъ.

Бабеть писала, что маленькая Елизавета уже начинаетъ

ходить, что бабушка, ея высочество герцогиня Альбертина-Фредерика говорить, что малютка вылитая мать, и что въ этомъ году въ ихъ саду будетъ урожай тюльпановъ.

Письма были получены наканунѣ, и Фикке, ложась спать, положила ихъ на ночной столикъ. Проснувшись, она всё ихъ опять перечитала, и ей сдѣлалось грустно, что въ такой день она далеко отъ своихъ. И даже, когда увидится съ ними, она не знала.

Ей вспомнился Цербстъ. Красные тюльпаны, ярко зеленая лужайки, прудъ, въ которомъ чуть не утонули Вилли съ Фрицемъ, дѣтская маленькой Елизаветы. Все это Фикке любила попрежнему, но еще меньше, чѣмъ прежде, хотѣла бы прожить въ Цербстѣ свою жизнь.

Тетка Августа съ ея птицами, мопсы другой тетки, унылые длинные вечера, разговоры о томъ, что давно переговорено...

Въ Россіи Фикке точно проснулась отъ скучнаго сна.

Въ осторожно пріоткрытую дверь заглянула въ комнату Кайнъ.

— Вы уже проснулись, ваше высочество? Поздравляю васъ.

И она подошла, улыбающаяся, разодѣтая въ свое самое парадное шелковое платье. На спинѣ ея развѣвались ленты праздничнаго чепца, а въ рукахъ былъ большой букетъ желтофіолей.

— Въ нашихъ цербстскихъ оранжереяхъ они тоже распустились ко дню вашего рожденія,—сказала она и, положивъ букетъ на одѣяло, крѣпко расцѣловала Фикке. Потомъ сѣла на стулъ возлѣ постели и принялась рассказывать:

— Государыня хочетъ съ пышностью отпраздновать день вашего рожденія. Приемную при нашихъ покояхъ начали уби-

рать еще ночью при сальных свѣчахъ. Туда принесли изъ оранжерей пальмы и лавры, разставили большой столъ для обѣда, скатерть убрали по краямъ гирляндой изъ переплетенныхъ алыхъ и зеленыхъ лентъ. Весь столъ уставили цвѣтами, а между цвѣтовъ конфектный мастеръ-французъ со своими учениками разложилъ пирамидами всевозможныя конфекты. Это все для обѣда приготовлено, а въ большой дворцовой приѣмной все уже устроено къ балу. Въ канделябрахъ и въ люстрахъ вправлены перевитыя золотомъ восковыя свѣчи. Въ большомъ столовомъ покоѣ, гдѣ будутъ ужинать, накрыты банкетныя столы. Всѣ въ лентахъ, въ цвѣтахъ, цѣлыя горы конфектъ. Повсюду въ огромныхъ кадкахъ цвѣтуція померанцовыя деревья. Можно задохнуться: такой отъ нихъ запахъ!

Фикке заторопилась вставать. Сегодня она первый разъ послѣ болѣзни должна была показаться въ приѣмныхъ комнатахъ. Она настолько поправилась, что радовалась этому, но, когда заглянула въ зеркало, ей захотѣлось остаться у себя въ комнатѣ: такой ужасной она себя показала. И не только себя.

Молоденькія фрейлины первый разъ увидѣли принцессу послѣ болѣзни и такъ поразились ея видомъ, что не могли сдержать себя.

Послѣ первыхъ церемонныхъ реверансовъ и поздравленій; онѣ заглушили птичій щебетъ за окошкомъ своими возгласами:

— Ахъ, какъ вы измѣнились, ваше высочество! Васъ узнать нельзя. И какая вы блѣдная! Какъ выросли! А это что же?

Фикке какъ разъ причесывали, и гребень слоновой кости былъ весь покрытъ волосами.

— Ахъ, ахъ! Вотъ ужасно то! А вдругъ вы сдѣлаетесь совсѣмъ лысой?

Но въ эту минуту въ дверяхъ показалась графиня Румянцова, и фрейлины, боявшіяся ее, какъ огня, сразу прикусили язычки.

Въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлой лентой въ волосахъ, Фикке встрѣтила государыню и великаго князя.

Государыня сама застегнула на ея шеѣ свой подарокъ— бриллиантовое кольцо. Великій князь надѣлъ ей на руку бриллиантовый браслетъ.

Блѣдность и худоба невесты, особенно замѣтная въ нарядномъ платьѣ и высокой прическѣ, видимо, поразили и государыню, потому что она спросила, не хочетъ ли Фикке, чтобы отмѣнили парадный обѣдъ и балъ.

— Я боюсь, что это вамъ еще не по силамъ, дорогое дитя,—сказала она.

Но Фикке отвѣтила, что чувствуетъ себя хорошо. И ей дѣйствительно было хорошо и радостно. Особенно, когда пришла въ комнату и мать, и они сидѣли всѣ вчетверомъ у настѣжь открытаго окна.

Деревья только что разлиствились и изъ сада пахло свѣжей зеленью.

— Сегодня я хочу и вамъ сдѣлать подарокъ,—обратилась государыня къ Иоганнѣ-Елизаветѣ.—Вотъ этимъ перстнемъ я скрѣпляю нашъ дружескій союзъ.—Она сняла съ своей руки кольцо и надѣла его на палецъ принцессы.— Много лѣтъ тому назадъ оно предназначалось для вашего брата.

Иоганна-Елизавета въ трогательныхъ выраженіяхъ благодарила за подарокъ, но видъ у нея былъ смущенный и растерянный.

Фикке встревожилась.

„Что съ матерью? Почему у нея такое странное, точно виноватое лицо?“

Но Иоганна-Елизавета уже весело болтала и смѣялась на всю комнату своимъ звонкимъ смѣхомъ. Когда же она осталась вдвоемъ съ дочерью, ея лицо сразу сдѣлалось озабоченнымъ.

— Не знаю, что и дѣлать,—сказала она.— Твой отецъ не соглашается на то, чтобы ты приняла православіе, а государыня настаиваетъ.

„Вотъ, что встревожило маму,“ съ облегченіемъ подумала Фикке. Ее всегда сильно угнетало, когда она чего-нибудь не могла себѣ объяснить.

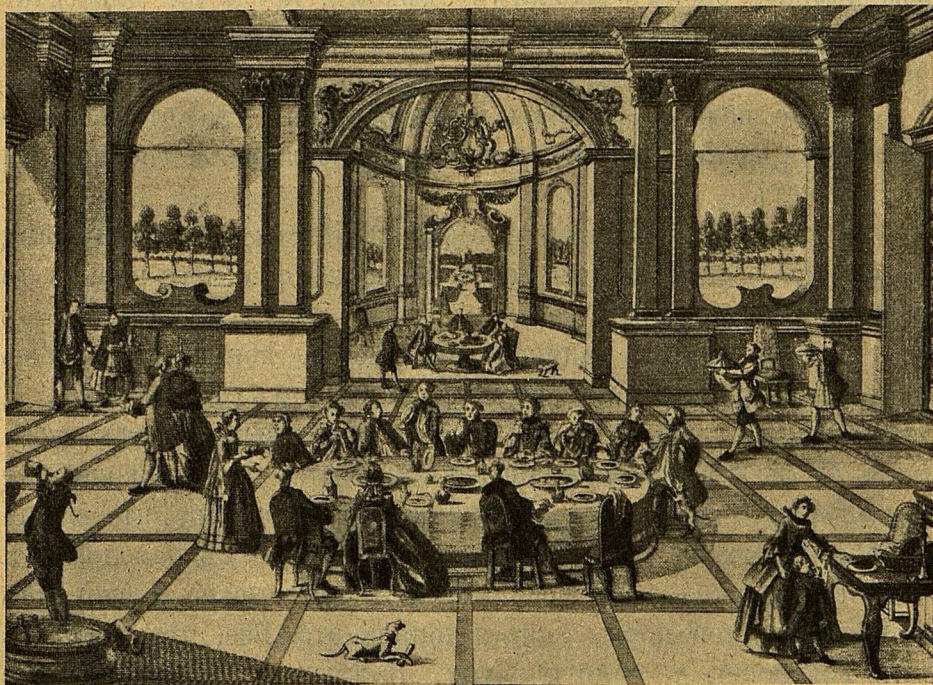
— Позвольте я напишу отцу. Жаль, конечно, что онъ самъ не можетъ поговорить съ Симономъ Тодорскимъ. Я такъ увѣрена, что этотъ мудрый и почтенный человекъ убѣдилъ бы и его. У меня онъ уничтожилъ всякія колебанія и сомнѣнія. Я знаю, что должна дѣлать. Увѣрена, что иначе и нельзя. Я хочу молиться въ одной церкви съ народомъ, и вѣра его должна быть моей вѣрой. И мнѣ легко и спокойно на душѣ съ той поры, какъ я поняла это. Все, что говорилъ мнѣ Тодорскій, я напишу отцу. Надѣюсь, что мнѣ удастся убѣдить и его.

— Конечно, напиши и какъ можно скорѣе напиши,—только успѣла сказать Иоганна-Елизавета.

Въ дверяхъ стояла разряженная графиня Румянцева въ широчайшей малиновой робѣ и съ цѣлой башней чужихъ волосъ на головѣ.

— Ваше высочество, вся приѣмная полна желающихъ привѣтствовать васъ съ торжественнымъ днемъ вашего рожденія.

Поздравленія продолжались до самаго обѣда, который подали ровно въ полдень. Обѣдали, какъ всегда въ особенно торжественныхъ случаяхъ, на золотой посудѣ, и во все время обѣда въ маленькой приѣмной, рядомъ со столовымъ покоемъ,

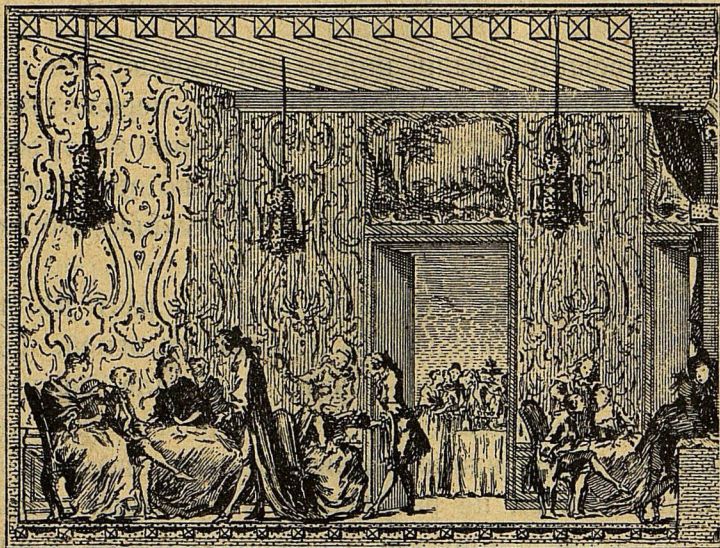
Парадный обѣдъ.

игралъ итальянскій оркестръ. За шампанскимъ всѣ пили за здоровье ея высочества Софїи - Августы - Фредерики, принцессы Ангальтъ-Цербетской.

Никогда еще день рожденія Фикке не праздновался съ такой пышностью. Блѣдныя щеки ея разгорѣлись яркимъ румянцемъ, глаза блестяли. Она была очень довольна, но подъ конецъ обѣда сильно устала, и, когда подали кофе въ фарфо-

ровыхъ чашкахъ съ синими травками по бѣлой землѣ, нарочно для этого случая выданныхъ кафешенку изъ кладовой, государыня посовѣтовала ей пойти къ себѣ въ комнату отдохнуть.

Вечеромъ, когда Фикке одѣвалась къ балу, ей принесли отъ государыни баночку съ румянами.

Угощеніе во время бала.

Тогда румяна были въ такой модѣ, что дамы безъ нихъ не обходились. Государынѣ же хотѣлось, чтобы ея любимица всѣмъ понравилась. Она боялась, что Фикке будетъ черезъ-чуръ блѣдна.

Фикке попробовала подкрасить щеки, но, заглянувъ въ зеркало, такъ себѣ не понравилась, что сейчасъ же все стерла. И ни одной мушки, изъ тѣхъ, которыя ей подарила утромъ графиня Румянцева въ золотой коробочкѣ, не рѣшила себѣ

налѣпить на лицо Фикке. Не рѣшилась, хотя знала, что всѣ дамы на балу будутъ съ мушками.

Коробочка съ мушками и табакерка считались тогда такой же необходимостью для параднаго туалета, какъ и вѣеръ. Фикке табаку не нюхала, но положила себѣ въ карманъ золотую, усыпанную драгоценностями, табакерку и золотой венеціанскій флаконъ для духовъ, или, какъ тогда называли, „ароматикъ.“

Эти двѣ вещицы были подарками государыни, и ей не хотѣлось разставаться съ ними. Еще разъ передъ тѣмъ, какъ выйти въ залу, взглянула на себя въ зеркало и нерѣшительно покосилась на баночку съ румянами, но во время вспомнила свое накрашеное лицо. И она хорошо сдѣлала, что не накрасилась.

Волненіе и смущеніе сдѣлали ее какъ разъ въ мѣру розовой въ ту минуту, когда она при блескѣ огней, подъ сотнями устремленныхъ на нее глазъ, открывала балъ, танцуя менуэтъ со своимъ женихомъ.

И это былъ ея единственный танецъ за весь вечеръ. Больше танцовать ей не разрѣшили ни доктора, ни государыня. А когда она танцевала, ей вспомнился ея менуэтъ въ Брауншвейгѣ съ Гейнрихомъ Прусскимъ, графъ Менгденъ вспомнился, его предсказаніе:

„Три короны, а, можетъ быть, и больше...“

Въ паркѣ зажгли иллюминацію.

Подстриженные аллеи, каналы, пруды—все выступило изъ темноты, точно опоясанное пестрыми ожерельями изъ разноцвѣтныхъ фонариковъ. Вечеръ былъ теплый, и всѣ приглашенные поспѣшили въ сквозную галлерею, а оттуда спустились въ садъ.

Въ опустѣвшемъ вдругъ залѣ осталась только Фикке и

ея фрейлины. Она еще не могла выходить вечерами на воздухъ, и фрейлины, скрѣпя сердце, должны были остаться при ней.

Петръ Федоровичъ такъ любилъ иллюминацію, что однимъ изъ первыхъ очутился въ саду.

— Идите и вы въ садъ, веселитесь,—предложила Фикке фрейлинамъ.

— А какъ же вы? Останетесь однѣ, ваше высочество?—раздались нерѣшительные голоса.

— Я устала и сейчасъ же пройду къ себѣ,—отвѣтила она.

Въ эту минуту взвилась первая ракета. Фрейлины вскрикнули и, точно птицы изъ клѣтки, вылетѣли изъ зала.

Фикке еще немного постояла у окна, смотрѣла, какъ отъѣзжала отъ освѣщенной огнями пристани на пруду золоченая расписная галера, вся унизанная разноцвѣтными фонарями. Ей казалось, что она различаетъ государыню, мать, Разумовскаго, Нарышкина, Бецкаго...

Она уже засыпала въ своей комнатѣ, а въ саду и въ покояхъ все еще горѣли праздничные огни, и гремѣла музыка.

X.

Перваго іюня государыня съ великимъ княземъ выѣхали изъ Москвы въ Троице-Сергіевскую лавру.

Это былъ такъ называемый „обѣтный походъ“.

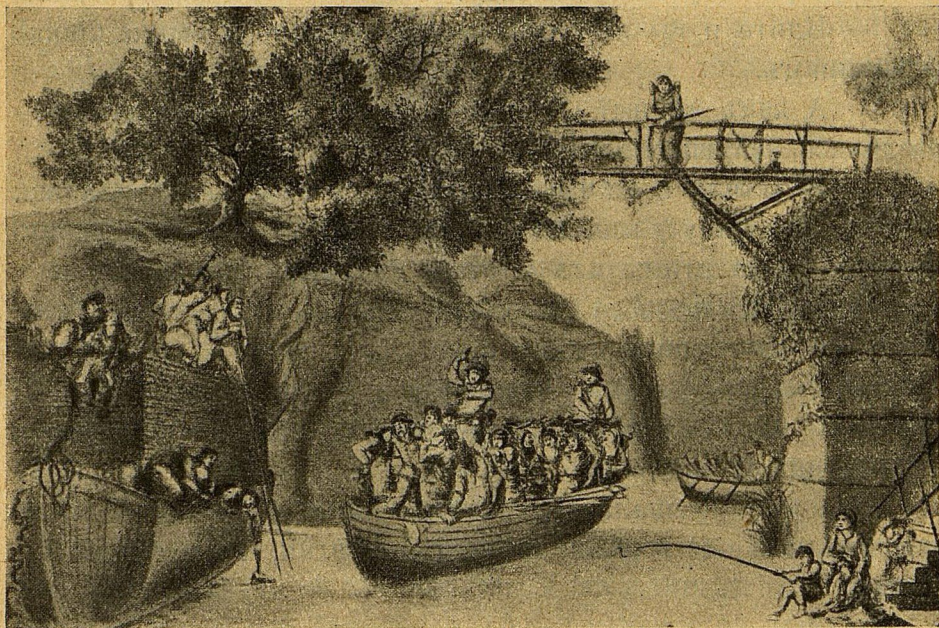
Государыня его совершала ежегодно въ память спасенія своего отца въ стѣнахъ обители во время стрѣлецкаго бунта.

Принцессы остались въ анненгофскомъ дворцѣ, и каждая опять устроила свою жизнь по своему.

Юганна-Елизавета принялась за свои интриги.

Болѣзнь дочери заставила ее на время забыть о Бестужевѣ. Теперь она наверстывала потерянное время.

Фикке тоже спѣшила наверстать потерянное время. Училась еще усерднѣе, чѣмъ до болѣзни. Когда же ей хотѣлось

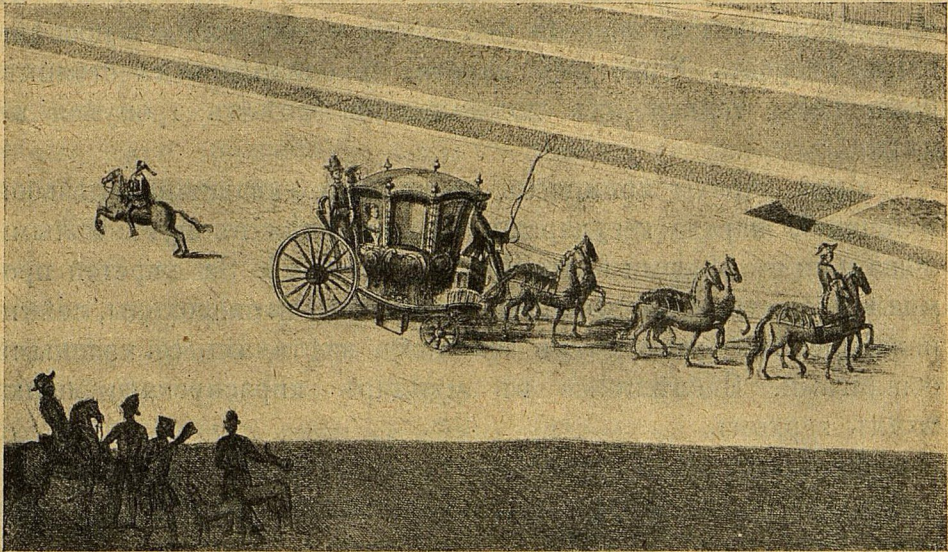

Прогулка въ лодкѣ.

отдохнуть, она звала своихъ фрейлинъ и гуляла съ ними по огромному дворцовому парку. Часто онѣ катались по подстриженнымъ аллеямъ въ маленькой, обитой бархатомъ колясочкѣ, запряженной пони. Иногда онѣ все сиделись въ золоченую яхту и гребцы, привязавъ надъ ихъ головами зелеными лентами навѣсь, катали ихъ по садовымъ каналамъ.

Но и во время прогулокъ, среди смѣха и болтовни, Фикке часто спрашивала, какъ называется по-русски тотъ или другой предметъ.

Фрейлины только удивлялись. Говорить по-русски при дворѣ, гдѣ были увлечены всѣмъ французскимъ, считалось почти неприличнымъ. И почему принцесса, прекрасно владѣвшая французской рѣчью, хотѣла учиться грубому языку, на

Карета времени Елизаветы Петровны.

которомъ говорили исключительно слуги,—этого онѣ никакъ не могли понять, но было такъ смѣшно слушать, какъ ея высочество коверкала слова, какъ старалась добиться ихъ правильного произношенія, что онѣ охотно подчинялись ея фантази.

Принцессы думали, что проживутъ однѣ около двухъ недѣль.

Государыня часть пути въ лавру всегда шла пѣшкомъ, и это затягивало путешествіе. Но на третій день во дворецъ неожиданно прискакалъ посланный. Онѣ сообщилъ, что госу-

дарыня ожидаетъ принцессъ на послѣднемъ переходѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними торжественно войти въ обитель.

Елизавета Петровна не выносила задержекъ и признавала только очень быструю ѣзду. Въ угоду ей принцессъ примчали къ послѣднему переходу у лавры съ такой быстротой, что онѣ не успѣли притти въ себя отъ суеты неожиданныхъ посидѣльныхъ сборовъ. Едва ихъ карета приблизилась къ стоянкѣ, какъ весь, только ихъ поджидавшій, поѣздъ тронулся въ путь.

Мимо кареты принцессъ пронеслась украшенная рѣзьбой золоченая карета государыни, запряженная въ цугъ бѣлыми лошадьми съ бѣлыми султанами на головахъ. За каретой промчался отрядъ лейбъ-гусаровъ, промелькнули скороходы, лейбъ-пажи, лейбъ-форейторы въ зеленыхъ кафтанахъ съ красными обшлагами. Наслѣдникъ въ мундирѣ кирасирскаго полка ѣхалъ верхомъ.

Фикке увидѣла, что лицо у него усталое, недовольное. Когда онъ поравнялся съ ихъ каретой, она закивала ему изъ окна. Онъ сразу увидѣлъ ее. Придержалъ лошадь.

Лицо у него сразу сдѣлалось совсѣмъ другимъ. Но видно было, что и удивился онъ очень. Онъ былъ увѣренъ, что невѣста въ Москвѣ. Но остановиться и разспросить было нельзя. Онъ и такъ своей остановкой вызвалъ замѣшательство въ поѣздѣ.

И онъ ускакалъ.

Фикке его уже не видѣла. Карета ей вдругъ показалась тѣсной и душной. Ей захотѣлось на просторъ.

Какъ хорошо было бы добѣжать до ближайшаго лѣска, набрать цвѣтовъ въ полѣ!

Точно огромная змѣя развертывался царскій поѣздъ среди зеленыхъ полей и лѣсовъ и, точно чешуя, сверкало, перели-

ваясь на яркомъ лѣтнемъ солнцѣ, золото, серебро и яркія краски его богатаго убранства.

Замыкался поѣздъ подводами, нагруженными дарами царицы для монастыря. Везли икру, только что присланную съ Урала, рыбу съ Волги, холсты изъ пригородныхъ помѣстій государыни, лимоны, и мѣшки съ мѣдной казной для раздачи нищей братіи. Далеко, чуть не за версту, по полямъ и лѣсамъ разносился гулъ царскаго обоза. Крестьяне, крестьянки, малыя дѣти, деревенскіе попы съ попадьями, прослышавши о царскомъ проѣздѣ, спѣшили на дорогу.

Нѣкоторые успѣвали захватить съ собой, что было лучшаго въ домѣ. Каждому хотѣлось, чѣмъ кто богатъ, поклониться государынѣ-матушкѣ. Слухъ о ней шелъ, что не спѣсива царица и къ простому народу ласкова. Говорили, что она на свадьбахъ у своихъ слугъ не гнушается пировать, бѣдныхъ невѣсть сама къ вѣнцу одѣваетъ.

Замѣтивъ среди зеленаго простора полей или у опушки лѣса сѣрую кучку людей съ согнутыми спинами, государыня иногда приказывала остановить лошадей. Тогда цѣпенѣлъ весь поѣздъ. Трясушіяся отъ волненія и невольнаго страха мужицкія, закорузлыя на работѣ руки подавали въ золоченую карету хлѣбные караваи, иногда еще теплыя лепешки, оладьи, клюкву въ расписныхъ чашкахъ, пучки пахучихъ ландышей.

Выползали на дорогу и старики дряхлые, и старухи чуть что не столѣтніе, и нищіе, и убогіе, и калѣки разные, и слѣпцы съ поводырями. У царскаго поѣзда былъ довѣренный, который надѣлялъ всѣхъ милостыней.

Не доѣзжая до лавры, поѣздъ остановился.

Государыня, а за нею вся свита и принцессы вышли изъ каретъ и пѣшкомъ направились къ обители, сверкавшей на солнцѣ золотыми главами своихъ церквей. А изъ мона-

стырскихъ воротъ имъ навстрѣчу двинулся архимандритъ съ крестомъ въ рукахъ, духовенство въ черныхъ одеждахъ, въ клобукахъ, съ черными мантиями, монахи, семинаристы въ бѣлыхъ одеждахъ съ вѣнками на головахъ и съ зелеными вѣтвями въ рукахъ и пѣвчіе. Подъ стройное пѣніе молитвъ, государыня, набожно склонивъ голову, прошла въ монастырскія ворота и направилась къ такъ называемымъ царскимъ кельямъ, гдѣ она останавливалась, когда бывала у Троицы.

Принцессамъ отвели помѣщеніе рядомъ съ великимъ княземъ. Обѣдали всѣ у себя. Общаго стола не было. Всѣмъ нуженъ былъ отдыхъ послѣ дороги. Но, едва принцессы кончили обѣдать, какъ къ нимъ пришелъ наслѣдникъ.

— Какъ я обрадовался! Просто не повѣрилъ глазамъ, когда увидалъ васъ въ окно кареты,—сказалъ онъ радостно возбужденнымъ голосомъ.—Но почему случилась такая перемѣна? Зачѣмъ васъ вызвали?

— Зачѣмъ?—принцессы и сами этого не знали. Но онѣ были въ восторгѣ и отъ дороги, и отъ того, что имъ пришлось увидѣть.

— Вѣроятно, государынѣ просто захотѣлось, чтобы мы посмотрѣли на все это,—рѣшила Юганна-Елизавета, и всѣ успокоились на этой мысли. Принцессамъ хотѣлось знать, какъ все будетъ дальше, что имъ еще покажутъ, куда поведутъ.

— А мнѣ больше всего хотѣлось бы на просторъ, въ поле, въ лѣсъ. Какія тропинки я видѣла изъ окна кареты!—вдругъ сказала Фикке.—Въ лѣсу еще ландыши есть...

У Петра Федоровича оживилось лицо.

— Вотъ отлично-то! Пойдемъ... И какъ можно скорѣй. Надо же, наконецъ, мнѣ съ вами набрать букетъ ландышей. Давно, вѣдь, собираемся. Съ самага Эйтина.—И вдругъ онъ остановился. Лицо его точно потемнѣло.

— Безъ разрѣшенія намъ итти никуда нельзя,—съ раздраженіемъ вырвалось у него.—Государыня...

Къ этому онъ не успѣлъ прибавить ни слова. Дверь съ шумомъ распахнулась. На порогъ стояла сама государыня, и они всѣ трое замерли подъ ея гнѣвнымъ взглядомъ.

Лицо, которое Фикке привыкла видѣть свѣтлымъ и ласковымъ, точно потемнѣло. Глубокія складки прорѣзали высокій лобъ. Государыня тяжело дышала, а, когда заговорила, голосъ ея обрывался.

— Прошу васъ, ваше высочество, послѣдовать за мной въ сосѣднюю комнату,—обратилась она къ Юганнѣ-Елизаветѣ.

Та вспыхнула, какъ - то вся сжалась и покорно, не проронивъ ни слова, заторопилась за государыней.

— Что же это? Что случилось?—спрашивала жениха пораженная Фикке. Но онъ ничего не понималъ. Они стояли растерянные, испуганно прислушиваясь къ доносившемуся до нихъ громкому гнѣвному голосу императрицы.

Черезъ комнату, не обративъ на нихъ никакого вниманія, торопливо прошелъ графъ Лестокъ. Разговоръ въ сосѣдней комнатѣ сдѣлался еще громче. Доносились отдѣльныя слова, но понять, въ чемъ дѣло, было нельзя.

— Что же это? Государыня гнѣвается. Мнѣ кажется, что мать плачетъ,—сама чуть не плача, говорила Фикке.

Дверь, за которой разговаривали, въ эту минуту опять открылась. Вышелъ Лестокъ.

Теперь онъ сразу разсмотрѣлъ принцессу и наслѣдника и направился прямо къ окошку.

— А, вѣдь, вамъ, пожалуй, придется укладываться,—сказалъ онъ, обращаясь къ Фикке.—Укладываться и ѣхать обратно домой въ Цербстъ.

И, прежде чѣмъ женихъ съ невѣстой успѣли опомниться

отъ этихъ неожиданныхъ и грубыхъ словъ, шаги Лестока уже тяжело и гулко отдавались по всему длинному монастырскому коридору.

„Домой? Куда же это?“ подумала Фикке. „Развѣ Цербстъ теперь мой домъ?“

Отъ волненія у нея подгибались ноги.

— Что же все это значить?—спросила она жениха.

— Ужъ и не понимаю,—съ растеряннымъ видомъ отвѣтилъ онъ.—Но съ тетей это бываетъ. Иногда такъ сразу разсердится, что ужасъ, а потомъ все такъ же сразу у нея и пройдетъ. Можетъ быть, и теперь все обойдется. Давайте присядемъ. Вотъ здѣсь на подоконникъ. У меня ноги даже трясутся.

Они оба влѣзли на подоконникъ и замерли, прислушиваясь къ тому, что происходило въ сосѣдней комнатѣ.

Когда государыня вдругъ показалась въ дверяхъ, оба разомъ вздрогнули и заторопились соскочить съ подоконника. А она остановилась, посмотрѣла на нихъ и улыбнулась. Ужъ очень смѣшными дѣтьми показались они ей. И, чѣмъ больше она на нихъ смотрѣла, тѣмъ смѣшнѣе ей становилось. Лица у обоихъ были испуганныя, съ подоконника они такъ и не соскочили, все еще сидѣли, и ноги ихъ не хватали до полу.

Государыня подошла къ нимъ, со смѣхомъ крѣпко расцѣловала обоихъ и ушла, не сказавъ ни слова.

Фикке, уже когда государыня ее цѣловала, знала, что въ Цербстъ ее не отошлютъ, но она много и долго страдала отъ всей этой исторіи, въ которой была замѣшана ея мать.

Дѣло было въ томъ, что враги, думавшіе погубить Бестужева, сами попались ему въ руки.

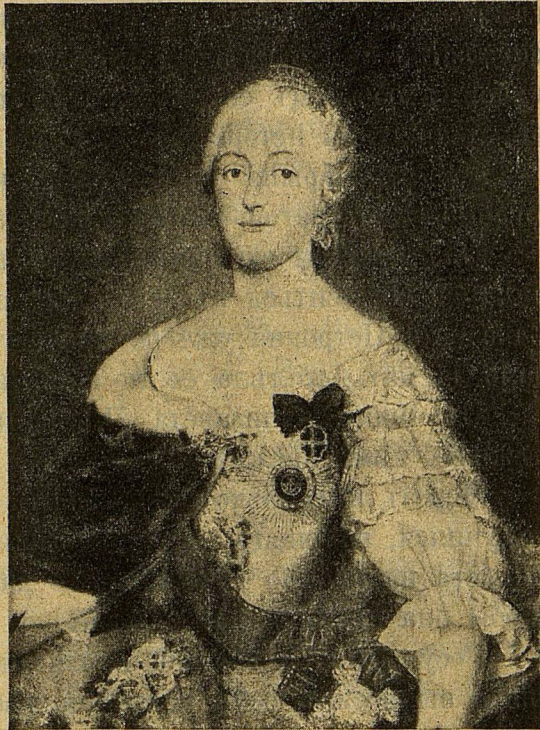
Иоганна-Елизавета дружила съ маркизомъ де-ла-Шетарди и, не скрываясь, повѣряла ему всѣ свои огорченія и недо-

вольствія. Шетарди же, какъ разъ въ это время, былъ всѣмъ недоволенъ. Онъ считалъ себя однимъ изъ участниковъ переворота и думалъ, что будетъ первымъ лицомъ при дворѣ, мечталъ вліять на государыню, принимать участие въ управленіи государствомъ. Но Елизавета сразу поняла, что интересы Франціи другіе, чѣмъ интересы Россіи, и стала отдалять отъ себя посла. Разочарованный и раздраженный неудачей, онъ срывалъ свое раздраженіе: насмѣхался надъ государыней, даже бранилъ ее.

Въ такомъ духѣ онъ и составлялъ свои депеши во Францію. Для того, чтобы придать имъ больше вѣса, онъ подкрѣплялъ ихъ неосторожными словами

Юганны-Елизаветы. Писалъ подробно, что они всѣ дѣлаютъ, чтобы уничтожить Бестужева, сообщалъ, что принцесса Цербстская получила на этотъ счетъ полномочія отъ короля Пруссаго.

Всѣ эти депеши были перехвачены, доставлены Бестужеву, а тотъ передалъ ихъ самой государынѣ.

Юганна—Елизавета, принцесса Ангальтъ—
Цербстская.

Шетарди былъ сейчасъ же арестованъ, отъ него отобрали всѣ пожалованные ему ордена и приказали въ 24 часа выѣхать изъ Москвы и, не заѣзжая въ Петербургъ, черезъ Ригу ѣхать къ себѣ обратно во Францію. Иоганнъ-Елизаветъ былъ сдѣланъ „строжайшій выговоръ и поставлено на видъ, что неумѣстно ей въ ея положеніи вмѣшиваться въ дѣла, которыя никоимъ образомъ ее касаться не могутъ“. Тѣмъ и кончилась эта непріятная исторія.

Но государыня о ней уже никогда не забывала. Съ Юганной-Елизаветой она обращалась очень холодно.

Обласканная ею принцесса слишкомъ оскорбила и огорчила ее. Относиться къ ней попрежнему довѣрчиво и ласково Елизавета Петровна уже не могла. Фикке видѣла это, страдала за мать, жалѣла ее, но понимала, что государыня права.

Съ Фикке Елизавета Петровна была еще ласковѣе и нѣжнѣе, чѣмъ прежде.

Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія изъ лавры, получился, наконецъ, и давно жданный отвѣтъ Христіана-Августа на письмо дочери. Онъ давалъ свое согласіе на то, чтобы она приняла православіе.

Государыня и великій князь были очень рады. Великій князь выпросилъ себѣ письмо и нѣсколько дней съ нимъ не разставался, носилъ его въ рукавѣ, постоянно перечитывалъ и даже цѣловалъ.

Послѣ отвѣта отъ Христіана-Августа начали готовить Фикке къ принятію православія. Оно было назначено на 28 іюня, а 29-го, въ день именинъ великаго князя, должно было состояться обрученіе.

До 28-го оставалось всего двѣ недѣли. Теперь Симонъ Тодорскій сталъ ходить къ Фикке ежедневно, и занимались ни по два часа. Фикке надо было къ 28-му знать наизусть

весь Символь Вѣры. По-русски она едва составляла самыя простыя фразы. Въ Символь — не понимала ни слова. Ея учитель прежде всего перевелъ молитву на нѣмецкій языкъ, и уже тогда Фикке принялась учить ее наизусть. Ужасно трудно ей было справиться съ непривычными словами, но, наконецъ, она все выучила. Симонъ Тодорскій остался доволенъ и похвалилъ свою ученицу.

Но Фикке захотѣлось еще разъ провѣрить себя, и она попросила русскаго учителя Ададунова выслушать ее. Тотъ остановилъ ее на первыхъ же словахъ. Симонъ Тодорскій былъ малороссъ и выучилъ Фикке украинскому произношенію.

— Такъ нельзя, — горячился Ададуновъ. — Вы будете говорить молитву при цѣлой толпѣ народа. Надъ вами будутъ смѣяться.

Фикке растерялась. Она такъ трудилась, такъ была увѣрена, что все хорошо, и вдругъ оказывается, что всѣ ея труды пропали.

— Что же мнѣ дѣлать? — спрашивала она Ададунова.

Но Ададуновъ тоже не зналъ, что ей дѣлать. Рѣшили пригласить на совѣтъ Симона Тодорскаго. Фикке еще разъ начала читать Символь. Ададуновъ ее останавливалъ, поправлялъ. Симонъ Тодорскій не соглашался съ поправками. Оба учителя разгорячились, стали спорить, доказывать другъ другу свою правоту. Ученица съ недоумѣвающимъ лицомъ переводила глаза съ одного учителя на другого. Которому изъ нихъ повѣрить — она положительно не знала. Оба говорили съ одинаковымъ жаромъ, съ одинаковой убѣдительностью и оба, какъ видно, одинаково вѣрили въ свою правоту.

Споръ такъ ничѣмъ и не кончился. Наставники разошлись

очень недовольные другъ другомъ и въ своемъ волненіи какъ-то совсѣмъ позабыли о главной виновницѣ спора.

„Что же мнѣ теперь дѣлать?“ недоумѣвала Фикке.

Она рѣшила посоветоваться съ женихомъ. Но и тотъ не могъ ей ничего сказать навѣрное. Слишкомъ плохо зналъ русскій языкъ. Пришлось тогда Фикке разбираться во всей этой исторіи самой. Она принялась спрашивать, соображать и скоро для нея стало ясно, что нужно послушаться Ададунова.

Какъ только она это поняла, такъ уже не теряя времени, заново переучила весь Символь.

За три дня до 28-го іюня она начала поститься и почти не выходила изъ своей комнаты.

Юганну-Елизавету смущало серьезное, сосредоточенное лицо дочери. Оно ей мѣшало смѣяться, говорить о привычныхъ вещахъ. Каждый разъ, когда она заходила къ Фикке, она чувствовала себя такъ неудобно, что спѣшила, какъ можно скорѣй, уйти изъ комнаты.

Наканунѣ 28-го къ невѣстѣ зашелъ великій князь.

— Я соскучился и пришелъ посидѣть съ вами. Вы позволите, Фигхенъ?—спросилъ онъ. Они называли другъ друга по именамъ съ той поры, какъ было получено письмо отъ Христиана-Августа.

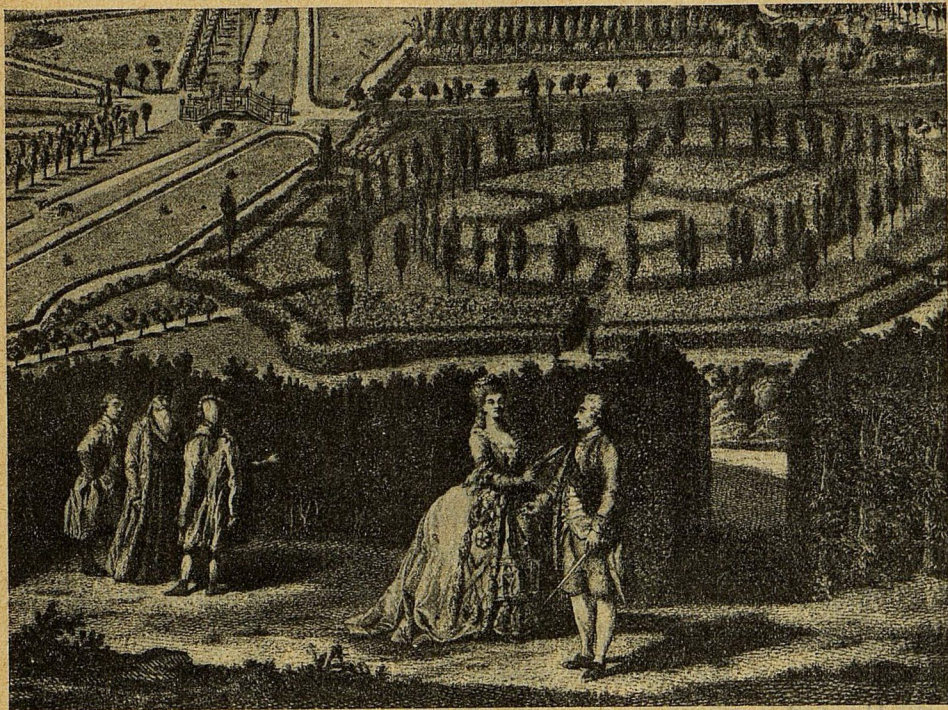
— Черезъ день уже не будетъ больше Фигхенъ,—Софія-Августа-Фредерика сдѣлается Екатериной Алексѣевной.—Фикке улыбалась, но голосъ у нея былъ серьезный.

— Могли бы вамъ оставить хотя бы Софію. Вѣдь, это тоже русское имя,—замѣтилъ Петръ Федоровичъ.

— Нѣтъ, „Софія Алексѣевна“ это совсѣмъ невозможно. Развѣ вы забыли, что такъ звали сестру вашего дѣдушки? Царевна Софья сдѣлала столько зла отцу государыни, что ей тяжело вспоминать о ней.

Фикке немного помолчала, а потомъ проговорила:

— Да я и не жалѣю, что имя мое перемѣнится. Черезъ день для меня, вѣдь, и все измѣнится. Я точно стою у запертыхъ дверей. За ними останется все, что было моимъ, и

Въ саду.

чужая страна сдѣлается моею, чужой народъ станетъ моимъ народомъ и вѣра его будетъ моею вѣрой.

Петръ Федоровичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Фикке. Странно и торжественно прозвучали у нея эти послѣднія слова. Въ эту минуту она показалась ему такой чужой и непонятной, что онъ почувствовалъ себя одинокимъ.

— Мнѣ иногда кажется, что о странѣ вы думаете больше, чѣмъ обо мнѣ, — обиженно, съ укоромъ глядя на нее, проговорилъ онъ. Она какъ будто растерялась отъ этихъ его словъ. Не сразу отвѣтила. Молчала, провѣряя себя.

— Мы будемъ вмѣстѣ любить наше новое отечество, нашу прекрасную огромную страну, — проговорила она. — Вмѣстѣ любить, вмѣстѣ учиться, вмѣстѣ работать. Хотите?

И она протянула ему руку.

Онъ послушно положилъ на нее свою и, подчиняясь ея голосу, захваченный силой, которая была въ ней, отвѣтилъ: — Хочу.

„Вѣра народа становится моей вѣрой!“

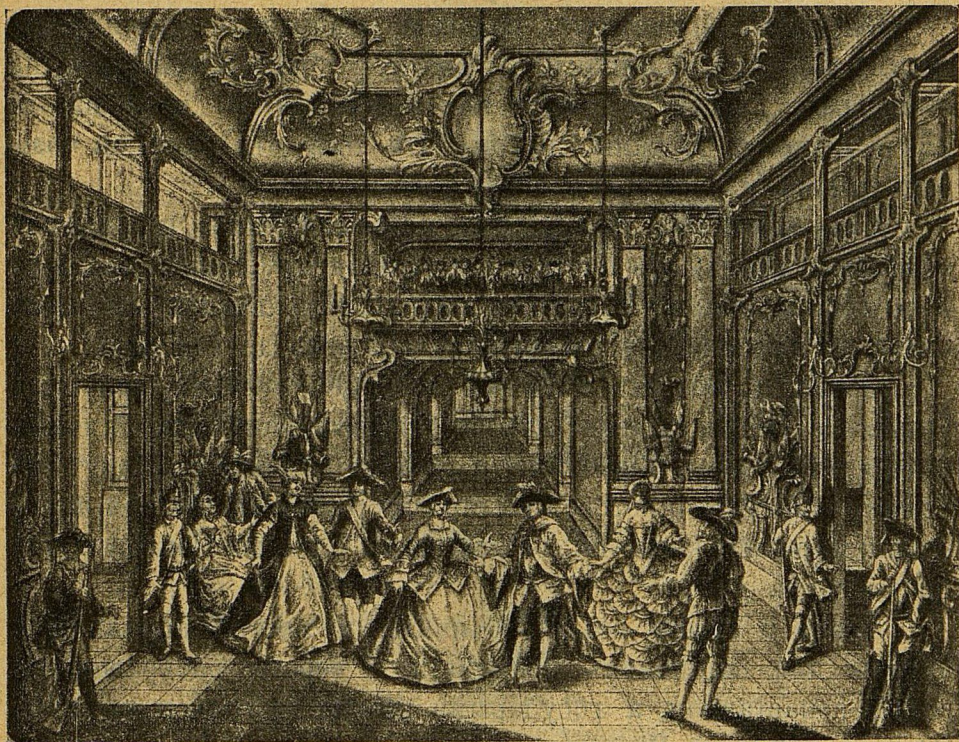
Такъ думала Фикке, когда на другой день шла торжественнымъ шествіемъ рядомъ со взволнованной государыней черезъ толпу придворныхъ, въ дворцовую церковь. Опустивъ глаза, съ блѣднымъ и серьезнымъ лицомъ, встала она на колѣни въ назначенномъ для нея мѣстѣ. Она очень волновалась, но Символь Вѣры прочла громко, внятно и съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что и государыня, и многіе изъ бывшихъ въ церкви плакали отъ умиленія.

Въ этотъ же вечеръ дворъ переѣхалъ въ Кремль.

На слѣдующее утро, — это были какъ разъ именины наслѣдника, — въ Успенскомъ соборѣ состоялось обрученіе и послѣ него архіепископъ прочелъ указъ, которымъ повелѣвалось принцессу Цербтскую Софію-Августу-Фредериду, нареченную Екатериной Алексѣевной, почитать русскою великою княжною съ наименованіемъ „ея императорскимъ высочествомъ“.

Цѣлый день до обѣда шли поздравленія. Поздравлялъ синодъ, сенатъ, послы, сановники. Гудѣли колокола, палили

пушки. За обѣдомъ новая великая княжна Екатерина Алексѣевна сидѣла на тронѣ вмѣстѣ съ государыней и наследникомъ. Съ этого дня Екатерина Алексѣевна всюду показывалась вмѣстѣ со своимъ женихомъ.

Придворный маскарадъ. Гравюра времени Елизаветы Петровны.

Въ это время начались празднества по поводу мира со Швеціей.

Миръ этотъ былъ заключенъ еще годъ тому назадъ, но празднества все откладывали. Такъ было много торжествъ, что приходилось соблюдать очередь для нихъ.

Екатерина Алексѣевна была и въ Кремлѣ на молебствіи, и въ грановитой палатѣ, гдѣ раздавались награды и повышенія.

Какъ разъ въ это время былъ, наконецъ, подписанъ союзъ съ Австріей, о которомъ хлопоталъ Бестужевъ, и графъ былъ пожалованъ великимъ канцлеромъ.

Екатерина Алексѣевна подошла поздравить старика съ такимъ радостнымъ лицомъ, что онъ не устоялъ и, вѣроятно, на этотъ разъ „льстивое лицо“ не выглянуло на него изъ-за плеча великой княжны, потому что онъ отвѣтилъ ей тоже радостнымъ и ласковымъ взглядомъ.

Едва кончились празднества по поводу мира, государыня приказала жениху съ невестой и ея матерью „безъ замедленія и съ поспѣшностью“ собраться въ дальнюю дорогу—въ Кіевъ. Сама она располагала выѣхать туда же на другой день.

Давно, съ самыхъ первыхъ дней царствованія, задумала Елизавета Петровна побывать на Украинѣ. Хотѣлось ей поклониться святынямъ Кіевскимъ и своими глазами взглянуть на красоту Украйны, о которой ей столько рассказывалъ „ея другъ нелицемѣрный“, какъ она его называла, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій.

Давно и дороги вездѣ починили, и мосты поправили, и дворцы для остановокъ построили, и версты раскрашенныя вездѣ поставили, а государыня все не трогалась въ путь. Мѣшала война со Шведами, мѣшало прихварыванье наследника, задержалъ приѣздъ невесты, ея болѣзнь, потомъ обрученіе.

Теперь, когда все было, наконецъ, устроено, государыня рѣшила тронуться въ долгій путь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Игра въ прятки.

СОБИРАЙТЕСЬ въ кругъ, ребятки!

Мы игру устроимъ въ прятки.

Этой палочкою бить.

Ну, кому водить?

„Разъ, и два, и три, четыре!

Жили мошки на квартирѣ.

Къ нимъ повадился, самъ-другъ,

Крестовикъ, большой паукъ.

Пять, и шесть, и семь, и восемь!

Паука мы вонъ попросимъ:

Къ намъ, обжора, не ходи!..

Ну-ка, Мишенька, води!“

Живо, живо, безъ оглядки,

Кто куда во всеѣ лопатки!

„Стой же, Миша... Разъ-два-три!

Не подглядывай, смотри!“

Въ полумракѣ топотъ гулокъ.

Кто за кадку, кто въ проулокъ,

Кто въ сараѣ за стѣной,

Кто за маминой спиной.

Миша глазками поводитъ,

Дворъ на ципочкахъ обходить;

Легкій шорохъ услыхавъ,

Мчится къ палочкѣ стремглавъ.

Чтобъ его кто не обидѣлъ,

Онъ кричитъ заранѣ: „Видѣлъ!

Видѣлъ, видѣлъ!

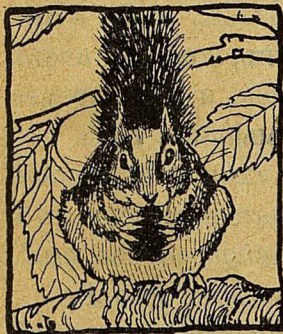
Выходи—тебѣ капуть!“

Ну, и плуть!

А. Насимовичъ.

Какъ зимуютъ звѣри.

ОЧЕНЬ хлопотливо проходитъ лѣто и осень для бѣлки; скачетъ она съ дерева на дерево, перелетаетъ съ одной верхушки дерева на другую, съ вѣтки на вѣтку. Все ищетъ, ѣсть

и собираетъ на черный день. Запрятаваетъ она не только въ свое теплое мягкое гнѣздышко, которое устраиваетъ или въ дуплѣ дерева или въ сорочиномъ гнѣздѣ, но прячетъ и во многихъ еще укромныхъ мѣстахъ подъ кустами или въ расщелинахъ деревьевъ.

А провизию запасаетъ отборную,— орѣшки самые зрѣлые, цѣлые и безъ свищей, жолуди самые крупные и нечервивые, шишки сосновыя и кедровыя, полныя зеренъ. Грибы особеннымъ способомъ сушитъ: насаживаетъ ихъ на иглы сосенъ и елей и на острые сучки лиственницы.

Бѣда, если нечаянно въ гнѣздо попадутъ горькіе орѣхи,— довольно одного-двухъ, чтобы отравить бѣлку, и потому она осторожна.

Охотники часто пользуются запасами бѣлокъ и находятъ въ гнѣздѣ до 20-30 фунтовъ орѣшекъ.

Какъ только наступаетъ непогода,—дождь, вѣтеръ, бѣлки забираются по три, по четыре въ гнѣзда и, свернувшись въ клубокъ, прикрывши спинку и носъ хвостомъ, спятъ, пока не измѣнится погода.

Но въ ясный зимній день онѣ любятъ поскатать по вѣточкамъ, имъ умѣренный морозъ не страшень: зимняя шубка, которая изъ рыженькой стала сѣренькой, серебристой, грѣетъ

ихъ. Если же морозъ становится лютымъ, то бѣлки совсѣмъ погружаются въ спячку на нѣсколько дней. Въ такіе дни охотникъ не встрѣтитъ ни одной на волѣ, всѣ по домамъ, и самый входъ закрываютъ мохомъ и вѣточками.

Плохо бѣлочкѣ, если похитятъ враги весь ея запасъ, или случится неурожай на орѣхи, или пожаръ истребитъ лѣсъ. Гибнутъ онѣ тогда тысячами. Зимой достать негдѣ. Иногда бѣлки догадываются переселиться въ теплыя мѣста, гдѣ есть и пища и лѣсъ. Безъ лѣсу имъ не жизнь.

На бѣлку охотятся изъ-за ея шкурки зимою. Этимъ живутъ почти всѣ сѣверные лѣсные жители: всю зиму — 3—4 мѣсяца — „бѣлковье“ — проводятъ охотники въ лѣсу, всякими хитрыми уловками выманиваютъ этого маленькаго звѣрка изъ норокъ и убиваютъ его. Но, не смотря на такое истребленіе ихъ, онѣ у насъ не переводятся. Пока есть лѣса, будетъ и бѣлка.

Никому такъ не плохо зимой, какъ „сѣрому, косому“ зайцу. Лѣтомъ ему подъ каждымъ кустомъ и „столъ и домъ“, заберется подъ дерево, сядетъ къ темному стволу, его никто и не видитъ. А зимой кругомъ бѣло, некуда спрятаться, всюду видятъ его сѣровато-желтое тѣло, а враговъ у него такъ много, что и не перечеть:

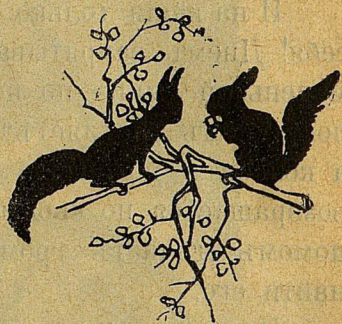
Люди и собаки, волки и лисицы,

Кошки, совы, рыси, ласки и куницы,

Коршуны, орлы, вѣроны, вороны.

Всѣ на зайцевъ. всѣ, нѣтъ имъ обороны

(Взято у Брема въ переводѣ Вагнера).

И дрожить „косой“ съ утра до ночи, перескакивая съ одного мѣста на другое, поводитъ ушами, прислушивается, откуда ждетъ бѣда. Судьба, видно, сжалилась надъ *блякомъ*, на зиму сѣрая шерстка его линяетъ, бѣлѣетъ, и ему легко укрываться на снѣжномъ полѣ. Но сѣрому *русаку* плохо.

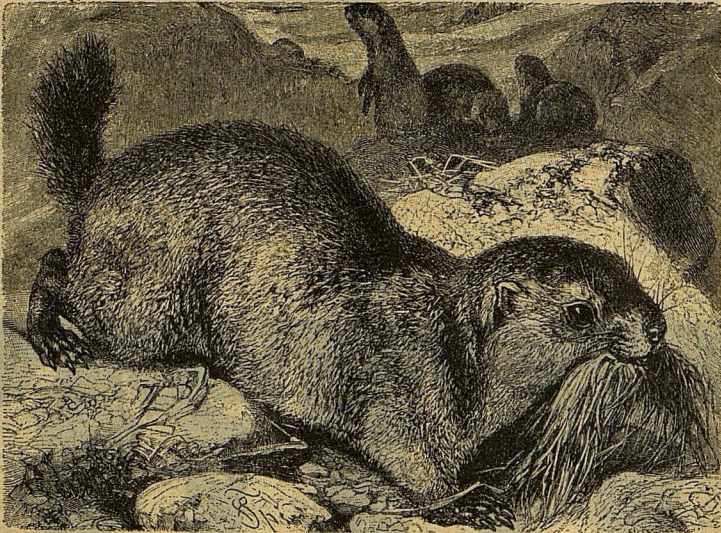
Въ одну охоту ихъ убивается до 200 штукъ.

И на какія только хитрости пускается косой, чтобы спасти себя! Днемъ запрятывается, а выходитъ изъ своего логова—маленькой ямки—по ночамъ. Чтобы не замѣтили дорогу къ логову, онъ „петляетъ“, то-есть бѣгаетъ не по прямой дорогѣ, а колеситъ по снѣгу, дѣлаетъ петли, путаетъ охотниковъ и возвращается по своимъ же собственнымъ слѣдамъ, а передъ домомъ дѣлаетъ громадный скачекъ, и неопытному трудно найти его.

Но зато заправскіе охотники сразу попадаютъ на слѣдъ: „Вотъ тутъ зайка обглодалъ вѣточки, а тутъ разгребъ снѣгъ и поѣлъ сухихъ травинокъ, а вотъ дальше поскакалъ зайка, должно быть, къ огороду, поѣсть оставшихся корешковъ“, и такъ находятъ по слѣду. Собаки да ружья самые опасные враги зайца, противъ нихъ ни одна зайкина хитрость не помогаетъ.

Не страшна зима *суржу*. Онъ задолго до зимнихъ холодовъ, съ половины лѣта, начинаетъ подготавливать себя къ этому тяжелому времени: онъ много ѣстъ сладкихъ ягодъ и запиваетъ ихъ водой, отъ этого онъ сильно жирѣетъ. Въ то же время готовится зимнее помѣщеніе—глубоко въ землѣ вырываетъ себѣ ямку и всю ее устилаетъ мягкимъ сѣномъ. Для этого выбѣгаетъ сурокъ въ жаркіе лѣтніе дни на поляну и тамъ „коситъ сѣно“, подгрызаетъ мягкую травку подъ самый корень, она быстро сохнетъ отъ жгучаго солнца, онъ подбираетъ ее пучками и тащитъ въ норку.

И вотъ, какъ только сѣрые осенніе туманы покроютъ поля, какъ только повѣетъ холодомъ, снѣжокъ запорошитъ поля и луга, сурки забираются въ свои глубокія, мягкія норы семейками, закрываютъ входъ камнями и травой, какъ пробкой, и засыпаютъ на $\frac{1}{2}$ года безъ просыпу, прикрывъ свой

Сурокъ.

носики хвостикомъ, и уткнувъ голову между задними лапками. Накопленный жиръ ихъ грѣетъ и питаетъ. Такъ до весны ѣда ему не нужна, онъ ее и не запасаетъ.

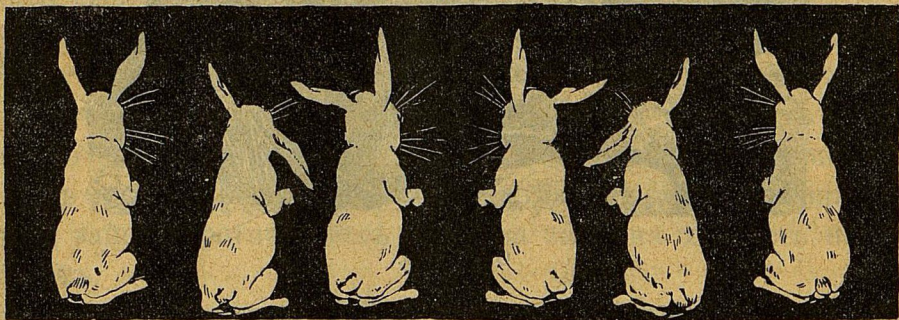
Совсѣмъ иначе проводитъ зиму *хомякъ*: онъ часто просыпается, и ему ѣда нужна. Лѣтомъ хомякъ выбѣгаетъ ночами на зрѣющую ниву и выбираетъ самые тучные колосья, отгрызаетъ ихъ, укладываетъ ихъ рядками и молотитъ лапками. Высыпавшіяся зерна забираетъ въ ротъ и перетаскиваетъ въ свои кладовыя. Ихъ у него двѣ, — для каждаго сорта зеренъ. Думаютъ, что такія кладовыя съ отдѣльнымъ ходомъ онъ

устраиваетъ для безопасности: иначе его запасы похитили бы враги, и ему пришлось бы голодать.

А вотъ подъ густыми вѣтвями кустарника устроилъ себѣ съ осени большое гнѣздо *ёжъ*. Вырыль-выскребъ онъ его лапками, сдѣлалъ на всякій случай два выхода и выстлалъ его мохомъ и листьями. Натаскалъ онъ ихъ изъ лѣсу: выгля-дѣлъ онъ, гдѣ больше листвы напало, побѣжалъ туда и вывалялся, — листья и насадились на растопыренные иглы.

Онъ принесъ ихъ на спинѣ къ себѣ въ норку. Въ такомъ тепломъ и мягкомъ гнѣздѣ, не просыпаясь, проводитъ онъ холодное время до новой весны.

Е. Львовъ.

Африканскія народныя сказанія.

О Лунѣ и Заяцѣ.

БДНАЖДЫ послала Луна на землю Заяца, чтобы возвѣстить людямъ, что, какъ она, Луна, умираетъ и воскресаетъ снова, такъ и каждый человекъ умретъ и снова воскреснетъ. Но Заяць, вмѣсто того, чтобы вѣрно передать порученіе, объявилъ людямъ, (спуталъ что ли или по злости — неизвѣстно), что, какъ Луна родится и потомъ умираетъ, такъ и люди должны умирать, да такъ ужъ и не воскреснуть никогда.

Вернулся Заяць къ Лунѣ, а та его спрашиваетъ, вѣрно ли онъ исполнилъ порученіе. И, когда узнала Луна, что онъ надѣлалъ, такъ разсердилась, что схватила топоръ, чтобы Заяцу голову отрубить. Но отъ гнѣва руки у нея дрожали, такъ что топоръ ударилъ только въ верхнюю губу Заяца и незначительно разсѣкъ ее. Оттого и называютъ разсѣченную губу „заячьей губой“.

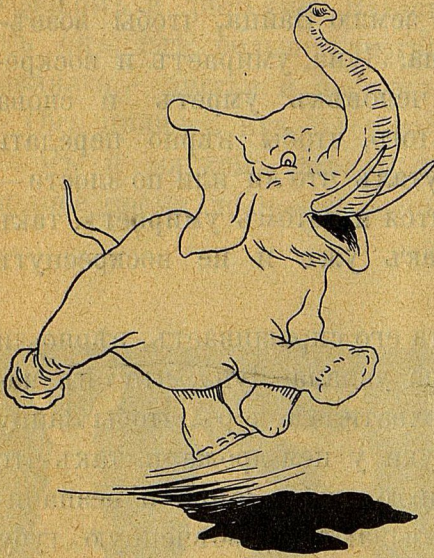
А Заяць такъ обидѣлся и разозлился на Луну, что бросился на нее, пустилъ въ ходъ коготки и расцарапалъ Лунѣ все лицо. Темныя пятна, и теперь еще замѣтныя на поверхности Луны, — это слѣды шрамовъ и царапинъ отъ заячьихъ коготковъ.

О Слонѣ и Пѣтухѣ.

Разъ поспорили Слонъ съ Пѣтухомъ, кто изъ нихъ больше съѣстъ. Сошлись они на условленномъ мѣстѣ и принялись за дѣло. Долго ѣли. Наконецъ, къ полудню Слонъ наѣлся до сыта, свалился и заснулъ. Черезъ нѣсколько часовъ проснулся,

глядитъ и съ изумленіемъ видитъ, что Пѣтухъ все еще похаживаетъ въ травѣ, ножкой разгребаетъ и поклевываетъ.

Принялся и Слононь за ѣду. Ёль-ёль, не выдержалъ—отвалился, а Пѣтухъ, знай себѣ, клюетъ.

Когда солнце склонилось къ закату, Пѣтухъ взлетѣлъ и усѣлся на спину Слона, который къ тому времени разлегся на отдыхъ.

Немного времени прошло, какъ вдругъ Слононь почувствовалъ, что его что-то покалываетъ по спинѣ. Даже испугался.

— Ты что тамъ дѣлаешь?— кричить.

— Да ничего особеннаго, — Пѣтухъ ему отвѣчаетъ, — вотъ только хочу поклевать насѣкомыхъ, много ихъ завелось въ складкахъ твоей кожи.

Слононь какъ вскочить! И ну бѣжать, куда глаза глядятъ. Гораздъ онъ былъ ѣсть, а только до такого ѣдуна, какъ Пѣтухъ, и ему далеко.

Съ тѣхъ поръ, какъ слышитъ Слононь пѣтушиный крикъ, такъ и улепетываетъ со всѣхъ ногъ.

О Змѣѣ.

Разсказываютъ, что однажды нашель одинъ Бѣлый человекъ Змѣю. На нее упалъ большой камень и она не могла изъ-подъ него выползти. Тогда Бѣлый человекъ снялъ камень

со Змѣи. Но, когда онъ его снялъ, хотѣла Змѣя его укусить. Но Бѣлый человѣкъ сказалъ:

— Подожди! Пойдемъ сначала къ мудрымъ, у нихъ спросимъ.

Пошли они и пришли къ Гіенѣ.

Бѣлый человѣкъ спросилъ ее:

— Справедливо ли это, что Змѣя хочетъ меня укусить, хотя я спасъ ее, когда она лежала безпомощная подъ камнемъ?

Гіена отвѣчала:

— Не велика важность, если она тебя и укуситъ.

Змѣя собралась укусить Бѣлаго человѣка, но онъ снова сказалъ:

— Подожди еще и пойдемъ къ мудрѣйшимъ, чтобы мнѣ убѣдиться, что это справедливо. Пошли они опять и повстрѣчались Шакала.

— Справедливо ли, что Змѣя хочетъ меня укусить, хотя я снялъ камень, который ее придавилъ?

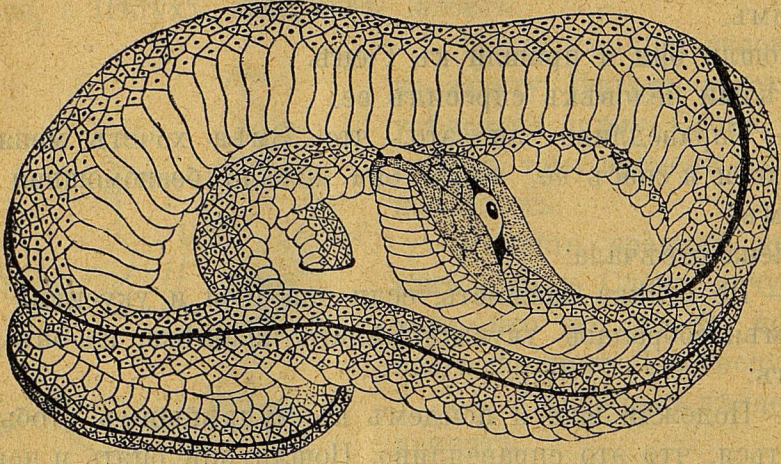
Шакаль отвѣчалъ:

— Не могу себѣ представить камня, который бы такъ прикрылъ Змѣю, чтобы она не въ состояніи была изъ-подъ него выползти. Если увижу собственными глазами, тогда только повѣрю. Идемте и посмотримъ, возможно ли это.

Встали они всѣ трое и пошли на мѣсто происшествія. Когда пришли, Шакаль сказалъ:

— Змѣя, ложись, а мы тебя прикроемъ камнемъ. Бѣлый человѣкъ положилъ камень на Змѣю, и, несмотря на всѣ усилія, она не могла изъ-подъ него выползти. Бѣлый человѣкъ снова хотѣлъ снять камень, но Шакаль остановилъ его:

— Оставь, дай ей полежать! Вѣдь, она хотѣла тебя уку-
сить, ну такъ пусть сама и выползаетъ изъ-подъ камня. И
оба они ушли.

О Зайцѣ и Обезьянѣ.

Стала разъ Обезьяна Зайца дразнить, что онъ все назадъ
оглядывается.

— А ты,—отвѣчаетъ Заяцъ,—то и дѣло почесываешься,
Въ этомъ тоже хорошаго мало. И сговорились они цѣлый
день, съ восхода до заката солнца, другъ противъ дружки
просидѣть, и чтобы Зайцу ни разу не оглянуться, а Обезьянѣ—
ни разу не почесаться.

Пришелъ назначенный день; съ восходомъ солнца сошлись
они на условномъ мѣстѣ.

Заяцъ опустилъ глаза въ землю и уставился въ одну
точку. Передъ нимъ сидѣла Обезьяна, и неподвижно покоились
ея лапы на колѣняхъ. Наступилъ полдень. Тогда Обезьяна,
не въ силахъ больше выдерживать, произнесла:

— Когда я была на войнѣ, пули такъ и прыгали, такъ

въ меня и попадали: то сюда, то туда, то вотъ здѣсь, то вотъ тамъ!

При этомъ она быстро показывала лапочкой тѣ мѣста на своемъ тѣлѣ, куда ей попали пули, и успѣвала основательно скребнуть ихъ ноготкомъ.

Тогда Заяцъ, которому тоже невтерпежъ стало неподвижно держать глаза, уставивъ ихъ въ землю, оживился и залопоталъ:

— А когда я былъ на войнѣ, погнались за мною разъ непріатели. Я отъ страха какъ запрыгаю: то туда, то сюда, то направо, то налево!

При этомъ онъ сталъ прыгать и бросаться изъ стороны въ сторону, и его косые глаза быстро двигались, повторяя движенія всего тѣла.

Говорятъ, Обезьяна съ Зайцемъ не стали дожидаться заката солнца и разбрелись каждый по своимъ дѣламъ, а когда встрѣчались потомъ, то рѣчи о дурныхъ привычкахъ не заводили.

О хитромъ Заяцѣ.

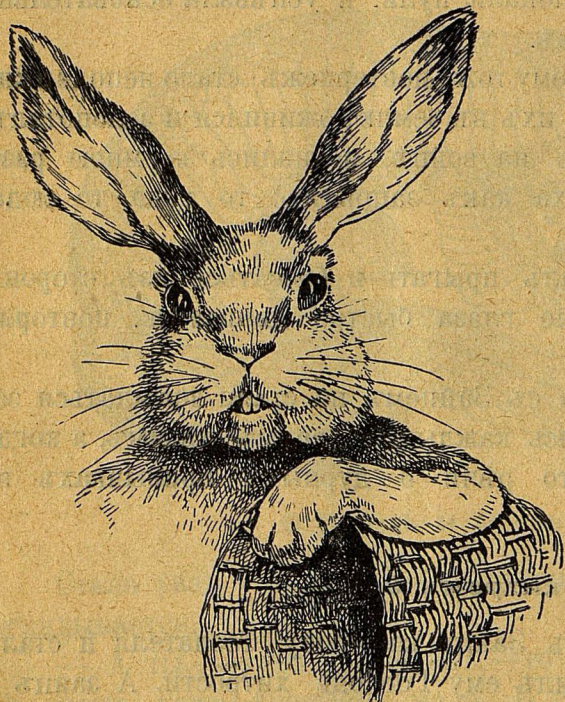
Однажды подошелъ Заяцъ къ трону Создателя и сталъ просить, чтобы прибавилъ ему Господь хитрости. А заяцъ и безъ того изъ всѣхъ звѣрей самый лукавый. Не хотѣлъ Господь прибавлять ему хитрости и говорить, чтобы Заяцъ не приставалъ:

— Пойди сначала и наполни эту большую корзину живыми воробьями, а тамъ—увидимъ.

Заяцъ взялъ корзину, пошелъ и усѣлся задумчиво на берегу ручья. День клонился къ вечеру, солнце садилось. Вдругъ, откуда ни возмись, налетѣли птицы. Днемъ была такая жара, что онѣ всѣ сидѣли, попрятавшись, а теперь и выпорхнули къ ручью, чтобы освѣжиться.

Особенно веселы были воробьи: щебетали, прыгали и утоляли жажду свѣжей ручьевою водою.

„Ну, теперъ пора!“ подумалъ Заяцъ, выскочилъ и забормоталъ, будто про себя:

— Да... нѣтъ... нѣтъ... хотя впрочемъ... возможно... о, нѣтъ, конечно, нѣтъ... ни за что... немислимо... нечего и говорить...и однакоже?О!

Услышали воробьи, удивились и спросили:

— Что это все значить, Заяцъ?

Заяцъ отвѣчалъ, что ему ужасно хотѣлось бы знать, могутъ ли всѣ воробьи помѣститься въ его

корзинѣ, но почти увѣренъ, что это невозможно.

— Возможно, конечно, возможно!—зачирикали воробьи,—мы такіе маленькіе: можемъ, можемъ помѣститься.

И одинъ за другимъ впорхнули въ заячью корзину. А Заяцъ быстро прикрылъ ихъ крышкой и потащилъ корзину къ трону Создателя.

И сказалъ Господь:

— Если я прибавлю тебѣ хитрости, ты, пожалуй, весь міръ перехитришь. Уходи!

Азіатскія народныя сказанія.

Наказанный злой волшебникъ.

ОДНАЖДЫ одинъ волшебникъ разсказалъ одному человѣку, что, если взойти на высокую гору и перепрыгнуть съ нея на гряды прильнувшихъ къ ней облаковъ, то на этихъ облакахъ, какъ на лошади, объѣдешь всю землю и увидишь все чудеса міра. Человѣкъ повѣрилъ волшебнику, сдѣлалъ все, что тотъ ему сказалъ и, въ самомъ дѣлѣ, облака поддержали его и стали двигаться вмѣстѣ съ нимъ, такъ что ему казалось, будто онъ летитъ на спинѣ огромной бѣлой птицы. Такимъ образомъ онъ объѣхалъ всю землю и нарисовалъ большую карту всѣхъ мѣстностей, которыя видѣлъ съ высоты. Вернувшись на родину и спустившись на ту гору, съ которой поднялся, онъ сошелъ въ долину и разсказалъ волшебнику обо всемъ, что съ нимъ случилось. Онъ очень благодарилъ его за то, что волшебникъ открылъ ему такую важную тайну и далъ возможность совершить такое пріятное путешествіе и увидать столько интереснаго.

Волшебникъ былъ очень удивленъ. Все, что онъ сказалъ человѣку—было ложью, отвратительной ложью, которую онъ придумалъ, чтобы погубить человѣка: онъ давно ненавидѣлъ его за доброту и чистоту души. Но, убѣдившись, что его ложь оказалась правдой, выдуманная сказка—дѣйствительностью, онъ рѣшилъ самъ осмотрѣть землю такимъ же пріятнымъ и удобнымъ способомъ. Онъ взошелъ на гору и, замѣтивъ подъ собою, на склонѣ горы, гряды облаковъ, спрыгнулъ на нее, но не удержался, скатился, ударяясь о камни, въ долину и разбился въ дребезги.

Въ ту же ночь духъ той горы явился во снѣ доброму человѣку и сказалъ:

— Волшебникъ погибъ злою смертью. Онъ заслужилъ ее своею ненавистью и безуміемъ. Тебя же я сохранилъ отъ гибели, потому что ты добръ и чистъ сердцемъ. Когда ты, по совѣту лукаваго волшебника, спрыгнулъ на облако, я поддержалъ тебя и показалъ тебѣ весь міръ, чтобы одарить тебя мудростью.

Два бѣсенка.

Въ очень давнія времена жили два бѣсенка, и было у нихъ вдвоемъ—три вещи: корзина, посохъ и туфля. Все время бѣсенята изъ-за этихъ вещей ссорились, потому что каждому хотѣлось имѣть двѣ вещи.

Цѣлыми днями только и дѣлали, что спорили и бранились, но никакъ не могли согласиться относительно того, какъ раздѣлить на двоихъ три вещи.

Пришелъ къ нимъ разъ въ гости одинъ человѣкъ и спросилъ:

— Что такого особеннаго въ этой корзинѣ, этомъ посохѣ и этой туфлѣ, что вы такъ злобно изъ-за нихъ спорите?

Бѣсенята отвѣчали:

— Изъ этой корзины можно доставать одежды, кушанья, напитки, постель съ матрацемъ, подушками и одѣяломъ, однимъ словомъ, все, необходимое для жизни. Кто держитъ въ рукѣ этотъ посохъ, тому покоряются всѣ его враги и не могутъ ему причинить никакого зла. Кто надѣнетъ эту туфлю, тотъ получитъ способность бѣжать такъ, какъ летитъ самая быстрая птица и никто не сможетъ его остановить.

Услыхавъ это, человѣкъ сказалъ бѣсенятамъ:

— Отойдите-ка немножко, чтобы мнѣ удобнѣе было

осмотрѣть ваши вещи и раздѣлить ихъ между вами по справедливости.

Услыхавъ такое пріятное обѣщаніе, бѣсенята отошли въ сторону, а человѣкъ взялъ посохъ въ одну руку, корзину— въ другую, надѣлъ туфлю, да и былъ таковъ.

Бѣсенята совсѣмъ оторопѣли и не понимаютъ, какъ же это: обѣщаль обоимъ поровну раздѣлить, а оказалось—ни у того, ни у другого ничего нѣтъ.

Обернулся къ нимъ издали человѣкъ и крикнулъ; — Я унесъ то, изъ-за чего вы спорили. Теперь вамъ не изъ-за чего ссориться: я васъ помирилъ.

Памяти редактора журнала „Веходы“, Эдуарда Станиславовича Монвижъ- Монтвида.

Въ хмурое октябрьское утро этого года на Волковомъ кладбищѣ въ Петербургѣ небольшая кучка людей опускала въ сырую землю гробъ. Печальны и скорбны были лица подъ унылымъ небомъ, среди могилъ и осеннихъ деревьевъ. Когда гробъ зарыли, на могильную насыпь съ любовью положили нѣсколько вѣнковъ. Одинъ изъ нихъ принесли дѣти, ученики Рождественскаго Коммерческаго училища. На другомъ, маленькомъ вѣнкѣ изъ незабудокъ была сдѣлана надпись: „Мученику любви къ дѣтской литературѣ“.

Въ этихъ словахъ вся исторія жизни Эдуарда Станиславовича Монтвида. Дѣтская литература всегда была его самымъ любимымъ дѣломъ. Онъ отдалъ этому дѣлу все свои силы, всю свою жизнь. Для него онъ оставилъ свои прежнія заня-

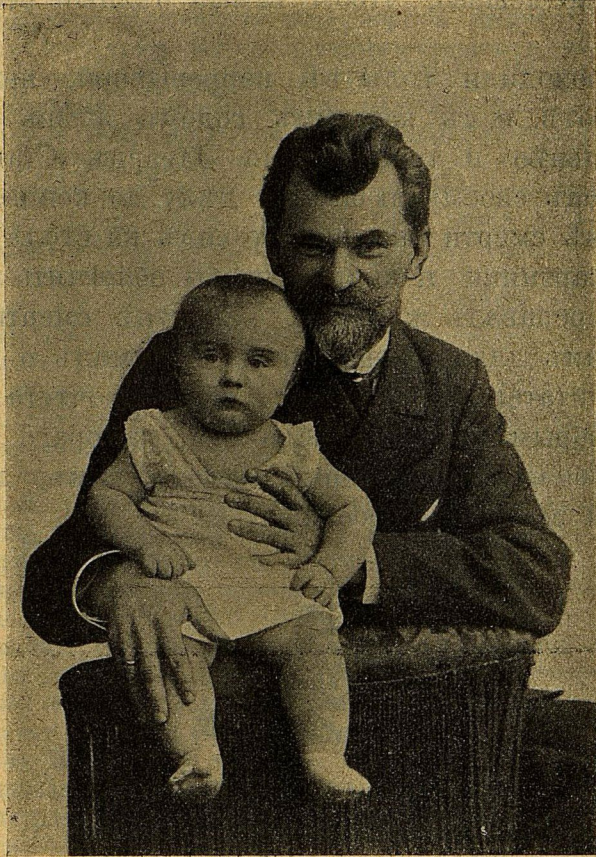
тія доктора и адвоката. Работая, какъ докторъ или адвокатъ, онъ могъ бы стать богатымъ и устроить себѣ обеспеченную жизнь, но Эдуардъ Станиславовичъ сознавалъ, что человѣкъ долженъ дѣлать только ту работу, которую больше всего любитъ. А выбранная имъ работа, работа редактора журнала, — трудная, безпокойная. Она брала у него очень много, а давала ему очень мало.

Въ редакцію дѣтскаго журнала присылають писатели много сказокъ, разсказовъ, стихотвореній, научныхъ статей, переводовъ съ иностранныхъ языковъ. Все это нужно внимательно прочитать, изъ всего выбрать подходящія для журнала статьи, выбрать также картинки и прослѣдить, чтобы книжка журнала вышла въ время и была интересна, разнообразна, красива. Работа огромная, особенно, если подумаешь, сколько въ редакцію присылается плохихъ статей или почему-нибудь не совсѣмъ подходящихъ для журнала. Такія статьи приходится передѣлывать, исправлять.

Издавать журналъ очень дорого: нужно платить за бумагу, за печатаніе, за статьи, за рисунки. Нужно платить и на почту за пересылку. Конечно, гораздо легче работать тогда, когда въ журналѣ есть деньги, а у редактора — помощники. У Эдуарда Станиславовича не было помощниковъ, не было и достаточно денегъ. Съ каждымъ днемъ вести журналъ становилось все труднѣе, накоплялось все больше долговъ. Типографія отказывалась печатать, фабрика — давать бумагу, почта — разсылать книжки подписчикамъ. Все это очень волновало и мучило Эдуарда Станиславовича, но онъ слишкомъ любилъ свое дѣло и не могъ отказаться отъ него.

Чтобы спасти „Всходы“, онъ началъ отказывать себѣ во всемъ: разстался съ женою и сыномъ, отославъ ихъ въ деревню, гдѣ было дешевле жить, а самъ поселился въ крошечной

тѣсной квартиркѣ, безъ прислуги. Самъ убиралъ свою комнату, топилъ печку, иногда отказывался даже отъ обѣда, а книжки „Всходовъ“ хоть и опаздывали, но выходили.

Э. С. Монтевидь съ сыномъ.

Тяжелая жизнь и неудачи не озлобляли Эдуарда Станиславовича. Онъ оставался такимъ же отзывчивымъ, мягкимъ и деликатнымъ, какимъ былъ и въ счастливые свои годы. Изо дня въ день, измученный и усталый, продолжалъ онъ

работать внимательно и любовно, продолжалъ учить дѣтей жизни. Кромѣ „Всходовъ“ Монтвидъ издавалъ переводы хорошихъ иностранныхъ дѣтскихъ книгъ и старался издавать ихъ настолько дешево, чтобы самый бѣдный ребенокъ могъ ихъ прочесть.

Такъ проходили годы въ непрерывной, неизмѣнной, и тяжелой работѣ, и съ каждымъ годомъ жизнь становилась все мучительнѣе и труднѣе, но Эдуардъ Станиславовичъ остался вѣренъ своему любимому дѣлу до конца.

Наканунѣ смерти онъ приготовилъ на столѣ въ редакціи рукописи, картинки и книги, чтобы облегчить работу того, кому онъ передавалъ журналъ, накануне смерти онъ обдумывалъ планъ для будущаго года и думалъ о дѣтяхъ...

И вы, читатели „Тропинки“, когда прочтете эти строки, помяните добрымъ словомъ человекъ, котораго вы, можете быть, и не знали, но который отдалъ вамъ, дѣтямъ, все свои силы и всю свою любовь.

А. Алтаевъ.

Вѣсти отовсюду.

Современные робинзоны. Страшная буря бушевала у крайняго мыса Южной Америки въ ночь на 9-е іюля этого года. Черныя тучи клубились надъ черными глыбами волнъ, и несчастнымъ матросамъ гамбургскаго судна „Текла“ казалось, что небо и океанъ слились вмѣстѣ и съ ревомъ и свистомъ рушатся въ черную бездонную пропасть. Капитанъ и его 30 матросовъ знали, что находятся возлѣ архипелага, называемаго Огненная Земля, но совершенно не могли отдать себѣ отчета въ томъ, гдѣ находился берегъ.

Архипелагъ—это много отдѣльныхъ острововъ, близко лежащихъ другъ отъ друга. Когда-то они составляли часть материка, но работою моря или землетрясеній ихъ откололо отъ земли и раскололо на множество небольшихъ отдѣльныхъ кусковъ. Острова Огненной Земли очень скалистые и угрюмые. Одинъ изъ нихъ поднимается изъ моря почти отвѣсной, высокой, черной стѣной, на которую не прилетаютъ даже морскія птицы. Но все-таки было лучше пристать къ этимъ негостепріимнымъ островамъ, чѣмъ носиться въ грозной тѣмѣ по кипящимъ волнамъ. Поэтому, когда „Текла“ была повреждена особенно сильнымъ ударомъ вѣтра, капитанъ ея и его 30 матросовъ спустили на воду шлюпки, но и онѣ вскорѣ были уничтожены бурей.

Тогда люди влѣзли на мачты и продержались на нихъ до слѣдующаго дня, когда буря утихла. Измученные страшною ночью среди волнъ, стали они придумывать, что дѣлать, чтобы спастись. При свѣтѣ восходящаго солнца увидали, что одинъ конецъ „Теклы“ погрузился въ воду, а другой высоко поднялся, точно несчастное судно встало дыбомъ отъ ужаса. Благодаря такому положенію судна, матросамъ удалось попасть на палубу и даже пробраться въ каюты. Тамъ они достали нѣсколько бутылокъ коньяку и немного провизіи. Подкрѣпившись и отдохнувъ, они разобрали часть судна и сдѣлали изъ досокъ плотъ, на которомъ и добрались до берега. Сначала переправилось пять человѣкъ, потомъ двѣнадцать. На третьемъ плоту поплыло семь человѣкъ, но они взяли невѣрное направленіе, и ихъ унесло въ открытое море. Что случилось съ этими несчастными—неизвѣстно. Вѣроятно, они все погибли. На четвертомъ плоту переправились на берегъ все остальные.

Уже солнце садилось, вечерѣло. Стали устраиваться на ночь. На слѣдующее утро надо было прежде всего подумать о томъ, чтобы достать пищу. Матросы разбрелись по берегу, собирали раковины, моллюски. Вдругъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ моржа. Онъ осторожно сообщилъ товарищамъ о своемъ счастливомъ открытіи. Матросы окружили неповоротливое животное, никогда еще не видавшее людей, и убили его. Торжественно потащили они свою добычу къ остальнымъ товарищамъ. Моржа розняли на части, мясо разрѣзали тонкими ломтями и раздѣлили на нѣсколько дней, а изъ жира сварили хлебово. И видъ его, и вкусъ, и запахъ были отвратительны; мы сочли бы за наказаніе, еслибы насъ заставили проглотить хоть одну ложечку, но голодные матросы ѣли съ большимъ удовольствіемъ и похваляли.

Черезъ нѣсколько времени отправились внутрь страны на развѣдки. Хотѣлось узнать, нѣтъ ли на островѣ какого-нибудь миссіонера. Попытка эта кончилась неудачно: невозможно было пробраться черезъ отвѣсныя недоступныя скалы, а, кромѣ того, было ясно, что никакихъ миссіонеровъ и вообще никакихъ человѣческихъ существъ на островѣ нѣтъ.

Такъ и жили матросы со своимъ капитаномъ, улучшая по возможности свое незатѣйливое жилище, сколоченное изъ досокъ и прикрытое вѣтвями, охотясь на моржей и ожидая, что Богъ пошлетъ кого-нибудь для ихъ спасенія. Но дни проходили за днями, а море лежало пустынное, и людямъ

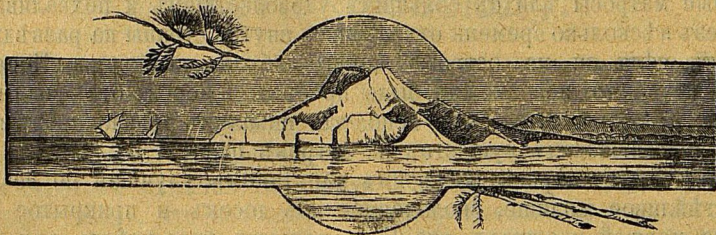
начинало казаться, что они забыты всѣмъ міромъ и навсегда заброшены на угрюмый необитаемый островъ. Такъ прошло пятнадцать дней. Вдругъ на утро шестнадцатаго дня на горизонтѣ появилась едва замѣтная точка. Ее увидѣлъ одинъ матросъ и крикнулъ другимъ. И вотъ глаза всѣхъ людей на островѣ, расширенные отъ волненія, устремились на одну эту крошечную, на видъ неподвижную, точку.

— Судно... сюда идетъ,—шптали матросы.

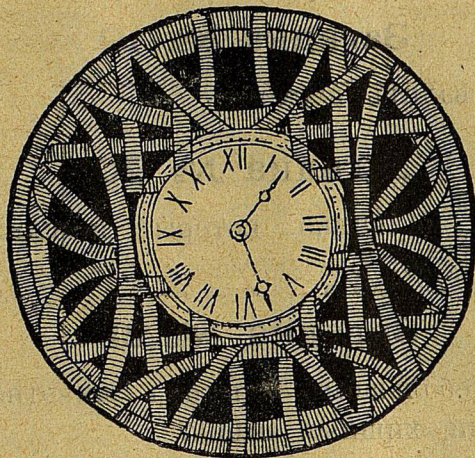
Точка увеличивалась, приближалась. Волненіе людей усиливалось. Раздавались радостные возгласы. Матросы побѣжали къ скаламъ, быстро взбирались на нихъ, махали шапками, платками, вѣтвями, кричали, приложивъ руку трубкой къ губамъ. Судно приближалось, но съ него нельзя было ни видѣть, ни слышать людей на далекомъ островѣ. Съ него увидали только торчавшую изъ воды „Теклу“ и подумали, что на ней могутъ еще находиться люди. Рѣшили спустить шлюпку и, только подплывая къ погибшему судну, замѣтили людей на островѣ. Направились къ нимъ и приняли на шлюпку нѣсколько человѣкъ. Оказалось, что пришедшее судно тоже изъ Гамбурга, и потерпѣвшіе крушеніе матросы сразу очутились среди своихъ земляковъ. Рѣшено было на другой день перевести всѣхъ остальныхъ матросовъ на судно и отправиться на родину, но поднялась буря и пришлось выйти въ открытое море, оставивъ часть людей на островѣ. Вскорѣ за ними прислали другое судно, и 8-го октября матросы „Теклы“, радостные и счастливые, достигли своего родного города Гамбурга.

Несчастіе Райта на новомъ аппаратѣ. Извѣстный изобрѣтатель биплана Орвиль Райтъ замѣтилъ, что главныя несчастія съ аэропланами происходятъ отъ мотора, поэтому онъ устроилъ новый аэропланъ безъ мотора. Онъ долго въ уединеніи работалъ надъ нимъ и мѣсяць тому назадъ закончилъ свою новую летательную машину.

Теперь получено извѣстіе, что Райтъ, во время пробнаго полета, упалъ съ высоты 100 футовъ (14 сажень съ лишнимъ), но благодаря его умѣнью ловко спускаться, онъ остался невредимъ.

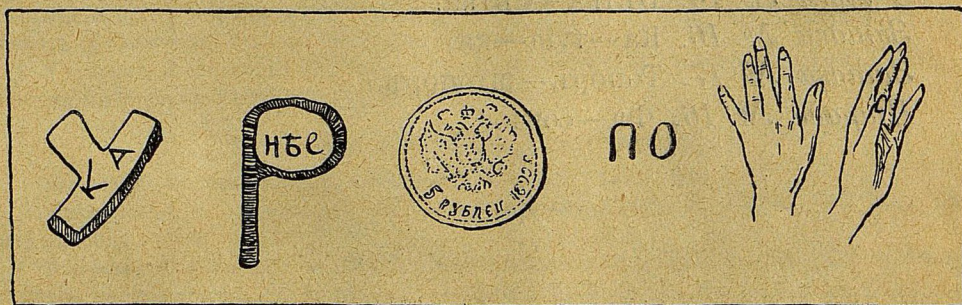

Рисунокъ съ буквами.

Въ этихъ часахъ надо найти буквы, составляющія фамилію великаго русскаго ученаго.

Ребусъ № 9.

Загадка № 18.

Въ какой русской рѣкѣ находится домашнее животное?

Загадка № 19.

Какая рѣка ѣздитъ верхомъ?

Загадка № 20.

Какъ зовутъ мальчика, который всегда находится въ экипажѣ?

Загадка № 21.

Въ какомъ небольшомъ толстомъ животномъ находится большой, красивый, хищный звѣрь?

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 20-мъ №.

Загадка № 14. Ремень — кремень.

Шарада № 15. Марс — ель.

Загадка № 15. Вѣтка — сѣтка.

Загадка № 16. Ка — туш — ка.

Загадка № 17. Топорь — штопорь.

Шарада № 16. Фа — сонь.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Семилѣтка“. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено* въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березины именины“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Шапиръ Н. Л. „Люди и звѣри“. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Францъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-ье. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. В. „Исторія воздухоплаванія.“ Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манасевича Н. И. „Овсянникъ“. Пять разсказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Соловьева П. С. „Жизнь Хитролая“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Рабье. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. „Царевна Земляничка.“ Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Новый годъ“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шведеръ Е. І. „Пушкинское уголи“. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книга выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

Подписная цѣна на 1911 г. 3 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА А на 1912 г.

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

7-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

12 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 числа каждаго мѣсяца въ 5 печатныхъ листовъ и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, путешествія, біографіи, историческія статьи, стихи, театральныя пьесы, научныя статьи, вѣсти отовсюду, юмористическіе рассказы и стихи, смѣшныя картинки, ребусы, шарады и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ

3 руб.

съ пересылкой и доставкой

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1910 гг.

Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Кіевѣ—въ Педагогическомъ книжномъ магазинѣ Пенкина. Владимірская, 53, противъ городск. театра. Тамъ же складъ изданій журнала „Тропинка“.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ 497-55.

Редакторы-Издатели Л. Соловьева и Н. Манаскина.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій улачивается 20 коп., а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный, петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій улачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.